

К. Г. Малыхин

**П. Н. Милюков,
Н. С. Тимашев,
В. М. Чернов,
Ф. И. Дан,
Н. В. Устрялов:
традиции и новации**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт истории и международных отношений

К. Г. Малыгин

**П. Н. МИЛЮКОВ, Н. С. ТИМАШЕВ,
В. М. ЧЕРНОВ, Ф. И. ДАН,
Н. В. УСТРЯЛОВ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Монография

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета

2021

УДК 94(470+571)``19``(035.3)

ББК 63.3(2)61

М20

Печатается по решению комитета по гуманитарному и социально-экономическому направлению науки и образования при ученом совете Южного федерального университета (протокол № 6 от 3 июня 2020 г.)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений

Южного федерального университета *В. Ю. Апрыщенко;*

кандидат исторических наук, доцент кафедры

«История и культурология» Донского государственного технического университета *С. Г. Воскобойников*

Малыхин, К. Г.

М20 П. Н. Милюков, Н. С. Тимашев, В. М. Чернов, Ф. И. Дан, Н. В. Устрялов: традиции и новации : монография / К. Г. Малыхин ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. – 92 с.

ISBN 978-5-9275-3763-1

DOI 10.18522/801273427

В монографии рассматривается процесс анализа событий большевистского реформирования России 20–40-х гг. XX в., проведенного наиболее здравомыслящими теоретиками российского зарубежья того времени. Самые интересные оценки большевистской реформации России сумели дать исследователи из среды социалистической диаспоры, разделенной на социал-демократическую и социал-революционную, и российские либералы левого и центристского толка. Российские политики, превратившиеся в эмиграции в ученых, внимательно проанализировали ход и последствия большевистского эксперимента, пытаясь понять, что он принес России и какие вопросы поставил перед мировой цивилизацией. Автором выделены наиболее значимые, по его мнению, теоретические новации русских мыслителей зарубежья 20–40-х гг. XX в.

ISBN 978-5-9275-3763-1

УДК 94(470+571)``19``(035.3)

ББК 63.3(2)61

© Малыхин К. Г., 2021

© Южный федеральный университет, 2021

© Оформление. Макет. Издательство

Южного федерального университета, 2021

Оглавление

Введение	4
Глава 1. П. Н. Милюков. 20–40-е годы XX века: осмысление большевистского эксперимента. Новации исследователя.....	18
Глава 2. Н. С. Тимашев в 20–30-х годах XX века: оценка преобразований России коммунистическим режимом.....	34
Глава 3. В. М. Чернов. 20–40-е годы XX века: от социокапитализма к этатизму.....	37
Глава 4. Ф. И. Дан в 30-х годах XX века: постбольшевистская Россия.....	54
Глава 5. Н. В. Устрялов в конце 20-х – начале 30-х годов XX века: эволюция оценок тоталитарной большевистской модернизации	64
Заключение	79
Литература	83

Введение

В истории человечества двух последних столетий выделяются два события, радикально изменивших облик современной цивилизации и предопределивших современное постиндустриальное настоящее.

Две революции потрясли человеческую цивилизацию: в конце XVIII в. – Великая французская революция, в начале XX в. – не менее великая русская революция. Обе революции были достаточно стихийными, народными, обе привели к радикальному перераспределению собственности, обе сопровождались глубокими социальными экспериментами. И обе революции закончились установлением империи, причем новым императором в обоих случаях стал правитель с революционным прошлым. Обе революции явились вызовом всей тогдашней европейской и мировой системе правления элит, всколыхнули весь мир. Итогом французской революции стала борьба общественности за права и демократию, долгий черед европейский и иных революций, приведших в конце XIX в. к становлению парламентских демократий в Западной Европе, а итогом русской революции – общество «золотого миллиарда», постиндустриального социального рая, во многом соответствующего идеалам подлинного социализма. Вызовом социальной несправедливости русской революции и явился постиндустриальный ответ Запада.

Русская интеллигенция в императорской России досконально изучала опыт французской революции; правда все течения русской освободительной мысли видели в ее опыте только то, что хотели увидеть. Одним из последствий Великой французской революции стали революционные события 1848 г. в Европе. Именно тогда Карл Маркс сделал свой эпохальный вывод о международном характере революционного процесса. Действительно, революция 1848 г., зародившись во Франции, преодолела

ла национальные границы и охватила Бельгию, Пруссию, Австрию, Германию и Венгрию. Позднее К. Маркс доказывал, что если возник мировой антагонизм труда и капитала, то и революционный процесс тоже будет иметь только международный характер. Этот вывод основателя нового учения – «научного социализма» – стал аксиомой для всей европейской социал-демократии начала XX в. Все социал-демократические партии, входившие в систему политической модели тогдашней Европы и представленные в парламентах развитых государств, входили во Второй Интернационал. Они в один голос заявляли, что не допустят войны между европейскими цивилизованными странами. А в случае начала войны превратят ее в гражданскую и развернут общеевропейскую социалистическую революцию.

Политическая и социально-экономическая система европейского общества тогда была достаточно комфортной. Начавшаяся зрелоиндустриальная эпоха во многом нивелировала ужасы раннего капитализма, описанного не только К. Марксом, но ярче всего Ч. Диккенсом. В развитых странах закончился период абсолютного обнищания рабочего класса, начал складываться средний класс. Всеобщее избирательное право, социальная защищенность трудящихся, мощное профсоюзное движение, всеобщая грамотность создали в начале XX в. основу для эволюционного развития общества. Война в эту модель цивилизации никак не вписывалась и, казалось, навсегда была изжита наряду с корью и феодализмом.

Из великих европейских государств только Россия выделялась своей отсталостью. Фактически в начале XX в. страна была лишена таких общепризнанных норм общественной жизни, как разделение властей, парламентская демократия, свобода личности, профсоюзов, политических партий. В стране господствовало анахроничное самодержавие. Положение рабочего класса соответствовало эпохе, описанной Ч. Диккенсом. Помимо этого, были сильны остатки феодализма – как в помещичьем хозяйстве, так и в крестьянском. В начале XX в. в

ответ на индустриальный вызов Запада в России начался процесс индустриального ответа при активной роли государства. Это привело к возникновению индустриального рабочего класса, интеллигенции западного типа, т. е. важнейших элементов западного общества. Однако главные составляющие западной цивилизации, а именно политические гарантии в виде парламентарной демократии и политических партий, сильных профсоюзов, – в России отсутствовали. Новое индустриальное русское общество начало борьбу за установление в стране элементов западной политической системы. Ведущую роль в этом процессе играла интеллигенция, но главной политической силой был новый русский рабочий класс. Этот процесс привел в революции 1905 г. и последующей трансформации русской монархии, а также к столыпинской верхушечной модернизации страны. Однако этот процесс не был завершен, в результате нарастала новая общественная волна прозападных элементов русского общества.

Русская верхушечная, имперская, военно-индустриальная модернизация неизбежно привела к расколу общества на модернизированное и традиционное, мало изменившееся со времен отмены крепостного права. Безграмотность, нищета, алкоголизм, мракобесие и иные негативные явления консервировались в русском традиционализме. И в то же время традиционное общество ярко ненавидело русский город с его показным богатством и западным лоском. Традиционное общество готово было поднять бунт против горожан-«буржуев» и отнять собственность у помещиков. Получалось, что в России были заложены основы двух социальных взрывов – модернизированного общества против императорской системы и традиционного общества против власти и европейского города. В чем-то схожая ситуация была во Франции накануне Великой революции: либералы добивались свобод и равноправия всех сословий, а крестьяне явно стремились отнять у дворян их землю, что в итоге и произошло. Наполеон Бонапарт только за-

конодательно закрепил процесс перераспределения собственности, что явилось одними из факторов доверия и поддержки народа Франции. Надо заметить, что обе революции явно забежали в историческое будущее. Якобинская диктатура и большевистский военный коммунизм были политикой, опережавшей возможные потенции революций. После них произошел откат, выразившийся во Франции в Термидорианском перевороте, а в России – в НЭПе, только в России лидеры большевиков сохранили власть и не были гильотинированы, как это произошло с лидерами якобинцев во Франции.

Революцию в России в 1917 г. вызвала мировая война. Война в Европе, которая, казалось бы, была абсолютно невозможным явлением, началась в 1914 г. и быстро превратилась в войну мировую. Помимо участия в войне почти всех европейских государств, за исключением Скандинавских стран, Испании, Португалии и Швейцарии, в войне приняли участие колониальные регионы великих держав, Япония, Китай и, наконец, США, с их мощнейшей индустриальной базой. Война создала «позиционный тупик». Войска сидели в окопах и траншеях и на западном, и на восточном фронтах, которые прошли через всю Европу. Попытки прорвать фронт приводили к бессмысленной гибели людей. Новые технические открытия – пулеметы, огнеметы, аэропланы, броневые автомобили и танки – были поставлены на службу войне и приводили к уничтожению миллионов солдат и мирных жителей. Солдаты всех воюющих стран не понимали цели войны, но ненавидели свои правительства. Война создала общеевропейский революционный кризис.

Однако социалисты всех воюющих стран поддержали свои правительства. Они поддержали военные бюджеты в парламентах и способствовали мировой войне. Тем самым Второй Интернационал рухнул. Дело К. Маркса было предано.

Только несколько небольших групп интернационалистов отказались поддержать войну и начали готовить всю возможное для превращения мировой войны в революцию.

Одним из таких лидеров и был русский изгнанник в Швейцарии – В. И. Ленин. Его поддерживала маленькая группа единомышленников-большевиков. Ленин был подлинным революционером и ортодоксальным марксистом. Он был уверен, что в Европе возникли все предпосылки для большой народной революции. Преступление капитализма – мировую войну – могла уничтожить только мировая революция, и во имя этого уникального шанса В. И. Ленин был готов пойти на все.

В феврале 1917 г. в Петрограде начались народные волнения, связанные с нехваткой продовольствия. Вокруг столицы России выпало много снега, и железнодорожные пути не успевали очищать. Это вызвало проблемы с логистикой. Казалось бы, случайность, но она привела к социальному взрыву. Вышедших на улицы Петрограда женщин поддержали солдаты гвардейских полков, призванные охранять порядок в столице. К началу марта город оказался в руках восставших. Полиция, суды были уничтожены, политические заключенные освобождены. Восставшие избрали Совет рабочих и солдатских депутатов, ставший подлинной властью в стране. Его поддерживала русская армия. А провозглашенный Советом приказ № 1, вводивший в армии солдатские комитеты, полностью перевел армию в подчинение Совету. В армии воюющей страны исчезло единоначалие и начала разваливаться дисциплина. Государственная дума создала Временное правительство России из представителей тех самых либеральных течений, которые мечтали о демократии и парламентском строе в России.

Императору отказали в поддержке все командующие фронтами, и он был вынужден отречься от престола. Февральские события 1917 г. показали глубину всех русских социально-экономических и политических противоречий, приведших к столь стремительной победе революции.

Временное правительство России опиралось на Петроградский Совет. Возникла парадоксальная ситуация двоевластия. Либералы надеялись, что революция приведет к установлению

в России парламентского строя, а назревшие социальные преобразования они предполагали осуществить после окончания мировой войны. Россия должна была получить новую систему политической и экономической жизни в решениях Учредительного собрания. Но либералы не учли того факта, что война привела к революционной активности народа. Большинство народа составляли ненавидящие западную модель представителей русской традиции. Более того, война привела к тому, что в руках традиционного общества оказалось оружие. Процесс одичания в условиях войны приобрел форму самую одиозную. Солдаты привыкли убивать. Они больше не хотели терпеть любую власть и требовали немедленного прекращения войны и передела собственности. Прежде всего, солдаты-крестьяне, как и во Франции в конце XVIII в., хотели получить всю собственность русских помещиков. Страна начала стремительно скатываться к анархии, что в русских условиях выливалось в самую настоящую крестьянскую войну, пугачевщину.

В. И. Ленин в своей швейцарской эмиграции не сразу поверил, что трехсотлетняя монархия в России так легко развалилась. В русских событиях Ленин увидел уникальный шанс изменить судьбу всей планеты. В апреле 1917 г. он приезжает в Россию и привозит с собой совершенно новые идеи: империализм сам себе вынес приговор, развязав страшную мировую войну; это преступление не имеет оправдания; человечество получило уникальный шанс через революцию приступить к построению нового, справедливого социального общества, в котором не может быть места войне, нищете и другим ужасам капитализма. Во всех воюющих странах уже возникла революционная ситуация, и перед подлинными марксистами-интернационалистами стояла, по мнению В. И. Ленина, великая задача спасения человечества от ига капитала через развертывание мировой революции, как и завещал К. Маркс. В этом плане революционеры несли мессианскую идею, сопоставимую по значимости с идеей Спасения ранних христиан. Это великая цель

оправдывала великие жертвы и даже любые преступления. В русской революции В. И. Ленин увидел самые начала этого мирового Спасения и решил любым путем добиться перенесения русской революции в Европу. Для этого надо было ликвидировать двоевластие и передать всю власть Советам, подлинным органам народовластия.

Депутаты Советов регулярно, практически каждый день отчитывались о своей работе, и в случае если народу их работа не нравилась, депутатов немедленно переизбирали. По мере радикализации народа, и В. И. Ленин видел, что в условиях 1917 г. это неизбежно, в Советы будут избирать представителей радикальной партии, т. е. большевиков. Поэтому Ленин предложил воспользоваться любыми промахами Временного правительства России, поддержать народную анархию. Он полагал необходимым полностью поддержать нереальные и невыполнимые в условиях войны с германским блоком требования русского традиционного общества о немедленном прекращении войны, передаче всей земли крестьянам, т. е. знаменитый эсеровский лозунг «черного передела», а также передаче рабочим контроля над предприятиями. В результате невыполнения народных требований Временным правительством власть в стране неизбежно должна была перейти Советам, к тому времени уже пробольшевицким, что в итоге и произошло осенью 1917 г. Победа пролетарских революций на Западе, был уверен В. И. Ленин, исключит такие страшные явления, как война, армия, полиция. Само понятие бюрократии, по его мнению, должно было исчезнуть. В Советах он увидел возрождение непосредственной народной демократии – когда вооруженные люди сами решают, сами исполняют, сами судят. Воевать, по этой схеме, будет некому, так как сопротивление контрреволюционеров легко подавит народ, а на мировой арене рабочим нечего делить.

В действительности все произошло с точностью до наоборот. В стране начался хаос, сменившийся большевистской дик-

татурой, военным коммунизмом, разгулом новой советской бюрократии. В ходе начавшейся национализации, а затем и гражданской войны народная демократия была ликвидирована. Ее сменила власть новой советской бюрократии. В этих условиях получать экономические привилегии могли только коммунистические чиновники, и партия большевиков – идеалистов-романтиков сменилась многомиллионной партией коммунистов-чиновников, которые видели в советской бюрократии возможность быстро подняться по социальной лестнице. Уровень культуры и убежденность в идеалах во многом оставляли желать лучшего. В стране началась гражданская война и развернулся красный террор. Число жертв революции исчислялось миллионами. Знаменитая фраза Д. Алигьери о том, что благими намерениями вымощена дорога в ад, нашла свое очередное подтверждение.

Заявление В. И. Ленина о начале в России социалистической революции было воспринято тогдашней российской интеллектуальной элитой как популизм и авантюризм политика, совершенно потерявшего всякую связь с реальностью. Правый социал-демократ, отец-основатель русской социал-демократии вообще, Г. В. Плеханов прямо назвал заявление своего оппонента бредом. По мнению Плеханова, Россия была совершенно не готова к социалистической альтернативе развития, так как только вышла из феодализма и социально-экономическое развитие страны находилось на самой ранней стадии, что совсем не соответствовало схеме К. Маркса. В. И. Ленин ответил своим оппонентам, что он прекрасно знает аксиомы марксизма и понимает, что по классической схеме Россия действительно не готова к социализму. Однако если России удастся свершить мечту человечества и начать революционное переустройство планеты на принципах социальной справедливости, победившие развитые государства мира сумеют помочь ей преодолеть формационное отставание от центра мировой цивилизации, и тем самым Россия получит шанс перепрыгнуть через целые сту-

пени исторического развития. Именно об этом писал К. Маркс во второй половине XIX в. русской революционерке В. Засулич, доказывая, что народническая схема могла иметь успех при победе пролетарской революции в Европе.

Поэтому вся последующая политика уже победивших осенью 1917 г. в России большевиков строилась на принципе разжигания мировой революции. В. И. Ленин прямо говорил об этом, выступая на заседании XI съезда Российской коммунистической партии в 1922 г. Он говорил, что большевики брали власть в 1917 г. исключительно в надежде на победу мировой революции, которая должна была поддержать русскую революцию и позволить построить в России социалистическое общество. Без поддержки мировой революции, считали большевики, гибель их революционного дела была бы неизбежной. По словам В. И. Ленина, большевики считали дни и месяцы в ожидании поддержки от пролетарского Запада. Однако к началу 20-х гг. XX в. получилась своеобразная ничья. Мировая революция не смогла реализоваться в полной степени, но и капитализм не сумел опрокинуть большевизм. Вся политику первых лет революции большевики строили на стремлении продержаться до победы пролетарского Запада. И военный коммунизм, и красный террор, и, как следствие, миллионы жертв являлись отражением попытки продержаться любой ценой во вражеском окружении. Только восстание моряков Кронштадта, которых поддержали рабочие Петрограда, заставило большевиков отступить. В. И. Ленин, да и все остальные большевики ясно осознали опасность того, что восстание перекинется на Красную Армию. Поэтому они с таким упорством штурмовали восставшую крепость, понимая, что если она продержится до таянья льдов, то станет оплотом антибольшевистского крестьянского и солдатского восстания, поддержанного рабочими, т. е. фактически всего народа. Но в итоге большевики уступили и реализовали главное требование восставших матросов – они отменили продразверстку и ввели свободу торговли, без чего

крестьянство существовать не могло. НЭП вводился как передышка в ожидании мировой революции, после гипотетической победы которой его можно было бы свернуть. Во Франции дело закончилось гильотинированием революционных вождей, а в России революционные вожди сумели стать лидерами новой постреволюционной России. Но, сохранив себе жизнь и власть в стране, В. И. Ленин и его соратники потеряли революционный ориентир. Они всю свою предшествующую политику строили на ожидании гипотетической поддержки со стороны пролетариата индустриальных стран Запада. Без поддержки Запада весь большевистский эксперимент превращался в авантюру, во власть ради самой власти, как это и восприняли конкуренты большевиков из социалистического лагеря.

Для сохранения власти уже после 1921 г., в первые годы НЭПа, В. И. Ленин стал говорить о необходимости ужесточения диктатуры внутри страны. Он утверждал, что народ России настроен антибольшевистски и не стремится поддерживать курс на мировой коммунизм. С другой стороны, и Запад мечтает ликвидировать очаг мировой революции. Значит, необходимо укрепить диктатуру и в стране, и в партии. Одним из последствий такого курса и было возникновение Соловецкого концлагеря, разгром Русской Православной Церкви и арест бывших соратников – русских социалистов. Надежды В. И. Ленина на возможную победу коммунизма были связаны с созданием Советского Союза как страны, открытой для всех революционных государств, в какой бы точке мира они ни находились.

И только осознание того факта, что в послевоенном мире наступила стабилизация, заставило В. И. Ленина серьезно переосмыслить всю предыдущую политику и предложить модель построения социализма в России при опоре на политическую власть, жесткую диктатуру, которая сумеет направить развитие социально-экономических процессов в стране в русло коллективизма. В этом плане власть должна была создать основы современного индустриального общества, а затем и превзойти

уровень развитых стран. Естественно, строительство нового строя должно было базироваться на идее гражданского мира. Крестьянство ясно доказало свою значимость в годы русской гражданской войны, решив ее исход и выбрав большевистскую власть как наименьшее зло. Большевики поддержали произошедший передел собственности, носивший характер пугачевщины, а их противники из числа белого русского движения заявили о непредсказуемости будущего России, что в глазах крестьянства означало возможность нового передела. Крестьяне не могли строить свою социально-экономическую модель жизнедеятельности только на основе рынка. Поэтому и создание нового общества в России могло строиться исключительно на рыночной основе. В. И. Ленин в своих предсмертных работах постоянно обращал внимание на то, что только союз рабочих и крестьян может обеспечить победу дела социализма в России.

Ленинские предложения сегодня достаточно успешно реализуются в Китае и Вьетнаме. Успехи китайской коммунистической рыночной модернизации общеизвестны. И ленинский план мог бы быть успешным, однако действительность 20–30-х гг. XX в., социально-экономические и политические противоречия НЭПа, внешнеполитическая обстановка того времени подталкивали руководство СССР к поиску иной альтернативы развития и ускорению социально-экономических процессов на антирыночной основе. В начале 1930-х гг., в условиях явного наступления новой мировой войны, СССР должен был любыми путями создать мощную индустриальную базу, чтобы обеспечить себе способность противостоять европейским индустриальным странам. По сути дела, стоял вопрос о физическом выживании этносов Советского Союза. И русское крестьянство стало той монетой, которой общество заплатило за свое выживание. Сталин сумел построить индустриальную модель, базирующуюся на всеобщем страхе, терроре, гибели миллионов крестьян и закреплении остальных. Однако задачу верхушечной, военно-индустриальной модернизации стра-

ны он сумел решить. И в 1941 г. Советский Союз смог выдержать противостояние со старой индустриальной европейской цивилизацией, объединенной в стальной кулак гитлеровской Германией, уже покорившей всю Европу. Несмотря на поражения первых лет войны, русский солдат окончил войну Великой Победой в Берлине, а СССР превратился к 1945 г. в великую мировую державу, на равных спорящую с США и Европой. К 1949 г. разоренная страна сумела создать ядерное оружие, т. е. решить задачу, которая была под силу только центру западной цивилизации, каким были тогда Соединенные Штаты Америки. Индустриальный рывок 30-х гг. XX в. имел продолжение в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Как ни странно, именно И. В. Сталину нынешняя Россия во многом обязана своим существованием, иначе страну уничтожила бы нацистская Германия или «демократические» США испепелили бы ее после 1945 г. в ядерном апокалипсисе. Таков парадокс истории. Эту тему очень интересно раскрыл лидер ПСР, великий русский ученый В. М. Чернов.

Тот экономический базис первичной русской модернизации в итоге привел СССР и к стадии зрелого индустриального общества в 1950-х гг. К сожалению, лидеры СССР в 1970–1980-х гг. не смогли осознать наступление новой, постиндустриальной эпохи, что в итоге привело к крушению СССР и отбрасыванию постсоветской России к раннеиндустриальной стадии развития в 1990-х гг. Однако именно базовый индустриальный уровень страны, созданный еще в 1930-х гг., тот человеческий капитал, который возник в советское время, позволили России в XXI в. прорваться к вершинам постиндустриальной цивилизации и вернуть себе статус великой мировой державы, вновь стать главным конкурентом США.

В 1920–1930-х гг. российские беженцы, оказавшиеся частью русской диаспоры от Харбина и Шанхая до Нью-Йорка и Буэнос-Айреса, сопротивлялись процессам ассимиляции. История в очередной раз повторилась. Самые светлые умы России, ярко

боровшиеся за ее освобождение от гнета русского самодержавия, прошли свой крестный путь и через «ледяной поход» 1918 г., и через массовую гибель в застенках ВЧК. А те немногие, кто сумел выжить, навсегда покинули Родину, чтобы стать вечными беженцами. Те, кто выступал против тирании русского самодержавия в 1905 или 1917 г., сами вызвали к жизни ту самую страшную русскую пугачевщину, и именно они стали ее первыми жертвами. Большевики не препятствовали расправам и тем ужасам, которые творили в послереволюционное время вчерашние русские крестьяне над «буржуями» и их семьями, да, наверное, и не могли этому помешать. Все же именно большевики сумели в итоге навести в стране порядок и подавить к 1921 г. народную анархию, а введение НЭПа окончательно превратило бандитов и повстанцев в мирных поселян, тружеников, работающих на своей земле впервые за столетия. Именно этот порядок привлек к большевикам часть русской интеллигенции и в России, и за ее пределами.

Лидеры изгнанников стали исследователями, учеными. По сути дела, в эмиграции сложилась серьезная научная лаборатория, исследовавшая процессы развития страны под властью большевиков. Подходы исследователей были принципиально различными. Теоретики русского зарубежья, не скованные цензурой сталинской диктатуры, могли исследовать процессы, развернувшиеся в Советской России и СССР. Но в этой плеяде блестящих мыслителей выделялись три заметные фигуры. Это прежде всего лидер левого либерализма России, великий русский историк П. Н. Милюков, лидер социалистов-революционеров, основатель ПСР и ее крупнейший теоретик В. М. Чернов и лидер так называемого державного «сменовеховского» течения Н. В. Устрялов.

П. Н. Милюков сделал удивительный вывод, что коммунистический проект преобразования России, по сути дела, являлся очень своеобразным научным экспериментом, научным опытом.

В. М. Чернов, в свою очередь, пытался понять тенденции развития мировой цивилизации и определить то место, которое занимала в этом процессе российская революция и большевистский эксперимент. Процесс социокапиталистической трансформации мировой цивилизации привел к возникновению этатической формации в Европе в лице сталинизма, гитлеризма, режима Муссолини в Италии. В. М. Чернов попытался понять тенденции развития этого нового мирового явления.

Н. В. Устрялов проанализировал большевистский и сталинский эксперимент. Он был одним из немногих теоретиков русского зарубежья, который принял тоталитарную сталинскую модернизацию России, и более того, он принял и ту цену преобразования, которую заплатила страна за свой прогресс.

Интереснейший анализ футурологического будущего страны дал лидер российской социал-демократии в изгнании Ф. И. Дан, прямо предсказавший неизбежность реализации того сценария развития страны, которой был реализован в начале XXI в. в путинской госкапиталистической России.

Н. С. Тимашев как теоретик правого русского либерализма проанализировал перспективы посткоммунистической России.

Анализ, проделанный теоретиками русского зарубежья, несмотря на совершенно различные исходные методологические установки, просто удивляет глубиной исследования и степенью проработанности темы.

Глава 1

П. Н. Милюков. 20–40-е годы XX века: осмысление большевистского эксперимента. Новации исследователя

П. Н. Милюков как профессиональный историк подошел к делу исследования большевистской России достаточно основательно, с научной точки зрения. Его интересовала проблема национального вопроса и связанная с этим проблема формирования национальных государств и места большевистского государственного образования в системе международных отношений.

Национальные государства, считал П. Н. Милюков, явились следствием возникновения наций. Сама Первая мировая война четко показала, что процесс возникновения национальных государств привел к крушению создававшихся столетиями мировых империй. На осколках империй начала XX в. в Европе возникла целая система государств, базировавшихся на национальном принципе.

По мнению П. Н. Милюкова, определяющим элементов возникновения нации является зарождение национальной интеллигенции, которая, по сути, и формирует язык нации и культуру.

«Национальность создается стихийно из подвижного материала и приобретает более прочную форму, когда вырабатывается орган национальной воли.

Социальная воля и память являются устойчивой преемственностью.

Только то общество может вырабатывать сознание, которое имеет для этого группу людей, ***мыслящих за народ, – интеллигенцию.***

Эти органы в разное время бывают различными.

Сознание национальности проникает сверху вниз. Первые шаги сознания делаются вождями. Потом сознание себя членом нации охватывает все более широкие слои.

Первоначальная **язычная** граница создается в пределах княжества. Когда появляется орган народной памяти – интеллигенция, является литературный язык, из моря народных говоров выбирающий определенные элементы, официализирующие единство языка на большой территории»¹.

П. Н. Милюков был уверен, что процесс складывания русской нации необходимо связывать с деятельностью Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, но никак не с эпохой великой русской трансформации XVIII в. – эпохой Петра Великого или даже Екатерины Великой.

«Стабилизация национального языка в каждом государстве определяет момент начала широкого национального сознания.

У нас момент стабилизации языка определяется именами даже не Ломоносова, а скорее Карамзина или Пушкина»².

Павел Николаевич выделил две эпохи развития нации. В первых, достаточно долгий период сложения наций. Следующим этапом развития нации является период понимания нацией своих исторических задач³.

Национализм, по мнению П. Н. Милюкова, мог иметь и позитивные, и реакционные черты. В этом плане П. Н. Милюков заметил, что национальные движения в самом начале XIX в. несли печать революционных настроений, и приводит в пример выступления народов Германии, Чехии, Италии, Балкан, Латинской Америки⁴.

¹ Милюков П. Н. Национальный вопрос в Европе. (Вторая лекция П.Н. Милюкова в Праге) // Последние новости. Париж, 1923. 30 апреля.

² Там же.

³ Милюков П. Н. Национальный вопрос. Прага, 1925. С. 80.

⁴ Там же. С. 87–89.

П. Н. Милюков утверждал, что именно Первая мировая война оказалась рубежом, разделившим планету на довоенный и послевоенный мир.

«Последняя война еще раз поставила на очередь вопрос национальный, особенно о малых национальностях, в смысле принципов Французской революции.

14 пунктов Вильсона вошли в общее сознание, как право наций на самоопределение.

На практике этот принцип спутался с вознаграждением победителей за счет побежденных, но шаг вперед все же был сделан.

Довоенные планы, вроде национально-территориальной автономии отодвинулись назад.

В форме охраны прав меньшинств под покровительством Лиги наций сказано новое слово»¹.

П. Н. Милюков еще в 20-х гг. XX в. спрогнозировал, что послевоенная эпоха, по сути дела, заложит основу для нового передела мира, и те нации, которые не смогли реализовать свои устремления в рамках послевоенной системы мировых отношений, неизбежно будут пытаться исправить положение, что чревато новой европейской или даже новой мировой войной.

«Мы еще будем свидетелями дальнейших изменений, но важная стадия достигнута.

Очередь за освобождением малых наций»².

В то же время, по его мнению, Первая мировая война сумела разрешить историческую несправедливость для многих европейских государств, что привело в возникновению новых национальных государств, и именно это подтверждает правильную направленность разработанной П. Н. Милюковым теории национального вопроса.

¹ Милюков П. Н. Национальный вопрос в Европе...

² Там же.

П. Н. Милюков обратил внимание, что национализм может быть крайне негативным, реакционным, может приводить к захватническим войнам и к возникновению чувства национального превосходства. Очевидно, что он четко предвидел те аспекты национализма, которые ярче всего проявились в Германии и Италии 1920–1930-х гг. и в итоге привели к новой мировой войне уже в 1930-х гг. П. Н. Милюков осуждал все проявления реакционного национализма, кто бы ни выражал его – угнетенная или же угнетающая нация¹.

В этом плане П. Н. Милюков прямо указывал на государства Прибалтики. Эти народы тысячелетиями были лишены возможности создания любых форм этнических образований. Длительное время они были частью иных государственных образований и в итоге оказались в составе Российской империи, где постоянно боролись за свое национальное освобождение. Однако после крушения Российской империи и образования национальных государств оставшиеся на этих территориях русские люди вдруг оказались в положении людей «второго сорта». А новые государственные образования оказались худшими угнетателями, несмотря на тот исторический путь, которые они прошли ранее. Новые государства стремились просто вытравить у русских людей саму историческую память о принадлежности к российской цивилизации.

«Эстоно-латвийский союз, это первый камень будущего Балтийского союза, в который, по мысли авторов, должны войти, кроме Эстонии и Латвии, еще Финляндия, Литва и Польша и который всей своей предполагаемостью должен быть направлен против России, вне зависимости от природы ее правительства»².

Удивляет тот прогноз, который сделал П. Н. Милюков еще в далеких 20-х гг. XX в. Он прямо заявил, что государства При-

¹ Милюков П. Н. Национальный вопрос в Европе...

² *Наблюдатель*. Балтийская Антанга // Последние новости. Париж, 1923. 30 нояб.

балтики и Польша будут самыми яркими противниками России, независимо от сути политического строя в России.

Россия вообще и Российская империя существовали как полиэтническое государственное образование. Естественно, именно русские люди оказались ведущей нацией. Естественно, и русский язык стал языком государственного аппарата. Русская интеллигенция ощущая свое господствующее положение в системе имперской русской государственности, вообще не нуждалась в системе национальной защиты, и поэтому русский национализм начал складываться значительно позже по сравнению с национализмом других наций как в составе Российской империи, так и вне нее.

Невеликорусские нации относились к русской интеллигенции с большим недоверием, прямо рассматривая русскую интеллигенцию как выразителя великорусского великодержавия, имперского сознания.

«Свести противоположные желания национальностей к приемлемому компромиссу. Такова точка зрения интеллигенции соперничающих стран.

Г. Айолло заменяет ее другой задачей: навязать сегодня свою волю народу, который навязывал эту волю его народу вчера.

Представленная таким образом задача, естественно, является задачей не примирения, а борьбы.

Все русские партии, даже самые противоположные, объединятся против чрезмерных претензий национальностей, которые только что разрушили традиционную связь морального и политического единения»¹.

П. Н. Милюков в эмиграции разработал свой вариант теории национального вопроса. Он категорически выступил против любых идей, связанных с великорусским национализмом. Знамя национализма приняли самые правые круги российской

¹ *Наблюдатель*. Балтийская Антанга.

эмиграции. Опираясь на эту идеологию, они пропагандировали совершенно бесперспективную в тех условиях идею интервенции и реставрации.

Милюков ввел в научный и политический оборот новый термин – «великая российская нация». В постсоветской России новая российская нация будет представлена различными национальностями, населяющими страну. В качестве примера он указывал на опыт самых демократических государств тогдашней планеты – США и Швейцарии. Эти государственные образования сложились из представителей совершенно различных этнических образований. Однако в этих странах произошло возникновение совершенно нового культурно-этнического феномена.

Именно великорусский национализм представлял самую страшную угрозу постсоветской России; новая Россия неизбежно возникнет именно как Российская Федерация, доказывал П. Н. Милюков.

«Мы республиканцы. Далее, мы сторонники **федеративной** республики, потому что не видим другого пути к мирному восстановлению Российского государства»¹.

Проблему строительства новой Российской Федерации будущие правители постбольшевистской России должны будут решать мирно, без применения мер насилия, которые могут привести только к новой страшной войне между народами России.

«Мы не хотим насильственного пути»².

П. Н. Милюков был уверен, что развитие постсоветской России будет строиться на различных принципах национально-государственного устройства и наиболее подготовленные народы будут иметь полноценное государственное устройство, позволяющее им стать частью федерации. Однако небольшие народы никак не могут быть участниками федеративного процесса

¹ *Наблюдатель*. Балтийская Антанга.

² Там же.

и найдут наиболее адекватные формы государственного строительства в форме автономии или иных форм национальных отношений. Но все граждане Российской Федерации как граждане демократической страны будут иметь одинаковые права.

Преобладание великорусского населения и традиции великорусского национализма создают серьезную проблему для развития постбольшевистского федеративного государства¹.

П. Н. Милюков проанализировал методы решения коммунистами национальных проблем в Советской России.

В 1924 г. в Грузии началось антибольшевистское выступление. Повстанцы обвиняли Россию в аннексии Грузии в XIX в. Однако П. Н. Милюков обратил внимание на то, что Россия в прошлом спасла грузинский этнос от физического уничтожения и даже во время вхождения Грузии в состав Советской России не было противостояния Красной Армии².

«Без всякого сомнения, вожди коалиции грузинских партий, стремящихся к независимости, правы, что нападение большевиков на Грузию в феврале 1921 года, после заключенного ими же договора 7 мая 1920 года, которым признавалась независимость Грузии, никак нельзя подвести ни под какую правовую рубрику.

Но и провозглашение независимости Грузии 22 ноября (5 декабря) 1917 года, под двойным давлением турок и немцев, тоже нельзя признать укладывающимся в правовые рамки.

Если грузинские лидеры считали, что разгон Учредительного собрания разрушает последнюю связь между ними и Россией, *то русские не могут стать на эту точку зрения*»³.

Осенью 1923 г. в «Последних новостях» опубликована статья Л. Неманова. Как правило, главный редактор обсуждал те работы, с точкой зрения которого он был не согласен. Эту ста-

¹ *Наблюдатель*. Балтийская Антанта.

² Восстание Грузии // *Последние новости*. Париж, 1924. 10 сент.

³ Там же.

тью главный редактор П. Н. Милюков даже не обсуждал. Фактически он согласился с выводами автора работы. В статье говорится о необходимости для России пути к Балтийскому морю. Прибалтийские страны должны были стать автономиями в составе новой свободной России¹.

Политик П. Н. Милюков прямо утверждал, что именно Российская Федерация выступит главным субъектом политической деятельности на территории постсоветского геополитического пространства.

Важнейшей темой научного исследования П. Н. Милюкова стал феномен революции вообще и собственно русской революции. Эта тема в итоге оказалась серьезно увязана с теорией национального вопроса, проблемой возникновения национальных государств и места большевистской России в этой системе. П. Н. Милюков четко определял вестернистскую составляющую русского исторического процесса. Однако гигантские размеры страны, сопоставимой по размерам с целым континентом, длительная колонизация страны серьезно затруднили ход исторического прогресса. Монгольское нашествие кардинально изменило суть нашей истории, разорвало исторические связи с Западной Европой и серьезно затормозило наше историческое развитие, что привело к проблеме отставания России от передовых стран центра европейской цивилизации.

«Запоздалая колонизация объясняет медленное экономическое развитие России. Даровитые силы природы задержали потребность прилагать интенсивные формы народного труда.

Так был задержан до конца XIX века процесс индустриализации России, пошедший потом быстрыми темпами, задолго до искусственной сверхиндустриализации»².

¹ Неманов Л. На рубежах Советской России // Последние новости. Париж, 1923. 28 нояб.

² Милюков П. Н. Социологические основы русского исторического процесса // Последние новости. Париж, 1932. 29 янв.

Надо признать, что одним факторов, позволившим П. Н. Милюкову разобраться в проблематике, явился случай. В 1922 г. монархисты попытались убить П. Н. Милюкова в Берлине во время чтения публичной лекции. На судебном заседании террористы заявили, что именно либералы и П. Н. Милюков разрушили Великую Россию, что и привело к русской катастрофе.

Милюков не оставил без ответа обвинения террористов, что и подтолкнуло его к разработке теоретической модели революционного процесса. Он доказывал, что революция является трансформацией общества от одной стадии развития к другой. Великие реформы середины XIX в. по своей глубинной сути были общественной революцией. Однако выражение процесса могло быть совершенно иным. Важнейшую роль в этом процессе играет позиция национальной элиты. Если элита осознает ситуацию и готова следовать в направлении общественного развития, революция находит мирные, безопасные формы. Если же правящие круги сопротивляются процессу общественной трансформации, революционный процесс может принимать самые страшные формы, вплоть до дикой русской пугачевщины, как это произошло в 1917 г.

В начале XX в. Россия подошла к новой революции. Элита России отказывалась разделить власть с возникшим русским либеральным обществом и, самое главное, провести социально-экономические реформы, прежде всего в русской деревне. Милюков утверждал, что если бы еще в годы первой русской революции правящая элита признала необходимость преобразований и поделила ответственность с обществом, приняв аграрную программу кадетов, предложенную в Государственной думе, развитие России эволюционировало бы в направлении мирной революции и страна избежала бы страшного 1917 г. Именно эгоистическая позиция правящей элиты спровоцировала страну на страшную, дикую революцию в форме пугачевщины. Несмотря на все это, ликвидация полуфеодаль-

ного помещичьего хозяйства и передача земли крестьянству значительно продвинули Россию по пути общемирового прогресса и позволили России сократить свое отставание от центров мировой цивилизации.

П. Н. Милюков решительно выступил против интервенции и нового «белого» похода против СССР.

«Мы боремся против советской власти; мы признаем себя в состоянии войны с ней.

Но отсюда еще далеко до признания всех методов борьбы, – и в особенности целей борьбы, с которыми выступает так называемое “Белое движение”.

Нас обвиняют в том, что, отделяя себя от этого движения, мы как бы признаем обе борющиеся стороны морально равными в борьбе. Это не совсем так»¹.

Он указывал на позитивный эффект русской революции, даже несмотря на те эксцессы, которые были с ней связаны.

«Придется принять ее как некий процесс, не только как разрушительный, но и творческий, происходивший в среде масс и производившийся руками самого населения»².

Русская революция вызвала к жизни такое противоречивое явление, как большевизм. П. Н. Милюков пытался исследовать природу этого явления и понять, что оно дало России.

Большевистская модель общественного развития не вписывалась в систему национальностей и национальных государств. Это привело к тому, что большевики смогли установить свое господство только на территории бывшей Российской империи. П. Н. Милюков сделал вывод, что большевизм оказался социально-экономическим и политическим экспериментом.

«Так как советская республика не только государство, но и опыт, то мы найдем в советской конституции следы неудер-

¹ После оправдания Конради // Последние новости. Париж, 1923. 28 июля.

² «Завоевания» или «последствия» революции // Последние новости. Париж, 1923. 4 дек.

жимого стремления производить опыты, и притом, как всегда бывает с коммунистами, неудачные.

Советское государство возникло не из национального корня, как все современные государства, а из стремления к интернациональному объединению всех трудящихся...

СССР не есть государство в собственном смысле этого слова...

Он не представляет из себя прочно установленного государственного порядка. Он может в любой момент исчезнуть...»¹.

Естественно, любой научный эксперимент мог окончиться или успешно, или же, наоборот, неудачно. Павел Николаевич ввел сам термин «большевистский эксперимент», и он стал общепризнанным.

Большевистский эксперимент строился на принципе безграничного расширения границ нового государственного образования и постепенного включения в его состав всей планеты. Соответственно, в СССР могла войти любая страна, заявившая о своем социалистическом и советском выборе.

«Более того, раз советское государство не имеет национального стержня, то пределы его безграничны, оно стремится впитать в себя все народы мира»².

Далее П. Н. Милуков исследовал тот вариант социально-экономического развития страны, который возник в СССР в 20-х гг. XX в. После провала планов мировой революции и под ударами народа большевики вернули в страну нормальную рыночную экономику, и получалось, что Россия опять стала развиваться по обычному общепланетному сценарию.

Милуков обратил внимание на тот факт, что социальная структура послевоенной России разительно отличалась от ее довоенного состояния. Самое дорогое достояние общества – квалифицированные специалисты – или погибли, или эмигрировали, или же были поглощены новым большевистским

¹ Юридическая природа СССР // Последние новости. Париж, 1924. 16 апр.

² Там же.

госаппаратом как наиболее социально близкая и лояльная группа русского общества. Материальная база производства была основательно разрушена в ходе войн и социальных экспериментов. Печальный итог этого – высокие издержки производства и нерентабельность рыночной полугосударственной индустрии, что вело к завышенным ценам на индустриальные товары. Это привело к известной проблеме, получившей название «ножницы цен». В 1923 г. потребитель, и прежде всего крестьянство, отказался покупать товары городской промышленности, и страна стала стремительно скатываться к натуральному хозяйству, уничтожая только что возникшую российскую рыночную экономику¹.

В ответ на это большевики просто снизили цены административным нажимом ниже уровня возможных издержек, что привело к товарному голоду, отсутствию промышленных товаров уже с 1925 г. Тотальный дефицит промышленных товаров стал фактом. Тем самым крестьяне опять лишились стимулов к производству в условиях формально рыночной экономики.

В то же время П. Н. Милюков, казалось бы, злейший враг большевистской диктатуры, всецело поддержал большевиков в их отказе от решения проблемы товарного голода путем товарной интервенции, на что пошли российские власти в начале 90-х гг. XX в. По мнению Милюкова, такая мера неминуемо разрушила бы слабую российскую индустриальную цивилизацию и привела к отбрасыванию России к начальным этапам исторического развития².

До войны русское индустриальное обновление строилось прежде всего на привлечении внешних инвестиций. П. Н. Милюков молчаливо поддержал крупнейшего русского экономиста С. Н. Прокоповича, доказавшего, что Россия не сможет выплачивать «русский долг» ни при одном правительстве, незави-

¹ Шестая годовщина // Последние новости. Париж, 1923. 9 нояб.

² Неуместное негодование // Последние новости. Париж, 1925. 15 марта.

симо от его политических установок, просто в силу разорения страны¹. Тем самым возможность получения серьезных инвестиций на государственном уровне для России была закрыта. Частные инвесторы также опасались вкладывать капиталы в Россию как страну с рискованной экономикой, где отсутствовали политические гарантии неприкосновенности возможных инвестиций. Это позволило П. Н. Милюкову уже в 1920-х гг. предсказать грядущий крах большевистской рыночной нэповской системы.

В середине 1920-х гг. П. Н. Милюков оценил перспективы постсоветского общества и серьезно уточнил концепцию нового либерализма. Либерализм должен был стать более социально ориентированным.

При жизни В. И. Ленина единственным партийным теоретиком был сам лидер победившей большевистской партии. Однако когда И. В. Сталин стал фактическим лидером страны и государства, он нашел прагматический выход для развития страны, создав концепцию построения социализма в одной стране. **«...Тут мы находим второй пункт этой “теории”, которую было бы крайне несправедливо отнести к ленинизму: это совершенно самостоятельный “сталинизм”.** Это основное положение заключается в том, что “полный социализм” может наступить в одной стране, хотя бы капитализм сохранялся во всем остальном мире. На самом деле, при всех внутренних противоречиях и постоянных несостыкованиях своей теории, Ленин, разумеется, не мог утверждать подобной нелепости»².

П. Н. Милюков во второй половине 1920-х гг. исследовал советскую действительность и строил научные прогнозы относительно будущего Советской России. В это время началось крушение русского рынка. Крестьяне сокращали производство и

¹ Прокопович С. Н. Русская проблема после Генуи и Гааги // Последние новости. Париж, 1922. 29 сент.

² Привязанный лев // Последние новости. Париж, 1925. 21 мая.

переходили к натуральному хозяйству. Индустриальное товарное предложение на рынке отсутствовало. Попытки большевиков реализовать продовольствие на внешнем рынке оказались безрезультатными – опять же в силу отсутствия индустриального товарного предложения российской промышленности.

П. Н. Милюков пришел к выводу, что историческая канва событий неизбежно должна была привести к народному выступлению и крушению большевистского режима естественным путем.

Однако развитие Советской России пошло совсем другим путем. Сталинский «Большой скачок» внезапно привел к победе. Западные политики в один голос заговорили о так называемом русском чуде. Возникла новая великая мировая индустриальная держава. Милюков прямо заявил, что толчок этому дали события, предсказанные им задолго до того, как они совершились.

«И. В. Сталин, понимая бесперспективность возвращения к продрозверстке, предложил путь закрепощения крестьян через коллективизацию. Основой социальной политики нового типа стало беднейшее крестьянство, не связанное с рынком и надеющееся поправить свое положение в крупном коллективном хозяйстве. В будущем новая индустрия, построенная на крестьянских костях, должны была компенсировать потери переходного периода. Ведь на этом – на неперемennom насильственном обирательстве – покоится вся система “индустриализации”. А индустриализация есть единственный способ, чтобы обеспечить в будущем техническую перестройку и прогресс сельского хозяйства»¹.

Сталин при помощи административного аппарата начал строить ту модель социализма, которая была ему понятна, основанную на огосударствлении промышленности и коллективизации сельского хозяйства.

¹ Военно-феодальный режим // Последние новости. Париж, 1929. 17 марта.

«Напротив, советское правительство, исходя не из корня, а из симптомов, на которые оно наталкивалось, все более запутываясь в трудностях, дошло до мероприятий, необычайно ухудшивших положение. Оно придумало “индустриализацию” как средство устроить население, приливавшееся в результате аграрного переселения в города, и, возлагая ради индустриализации тяготы на деревню, натолкнулось на тот факт, что не может получить нужное ему продовольствие»¹.

В первой половине 30-х гг. XX в. П. Н. Милюков осознал полный успех коммунистической партии в деле преобразования России и формирования той страны, которой ранее не было места в истории мировой цивилизации. Прежде всего, он обратил внимание на диспропорции новой советской экономики. Экономика строилась на принципах штурма и натиска, она создавалась полуголовным способом. Техническая интервенция привела к созданию новой индустрии, но полуграмотные новые рабочие ее разрушали, уничтожая завезенную технику в силу общей отсталости. Штурмовщина привела к расточительности и безответственности. Советская экономика приобрела откровенно нерентабельный, затратный характер. Экология находилась в страшно плачевном состоянии. Однако сам факт возникновения мощнейшей индустрии П. Н. Милюков не отрицал².

В 1939 г. состоялся XVIII съезд ВКП(б), окончательно подведший итог сталинскому террору предшествующей эпохи. П. Н. Милюков очень глубоко проанализировал сущность изменений, произошедших с СССР к концу 1930-х гг. Как крупнейший русский историк, он признал, что реализованная сталинская модель никак не увязывалась с замыслами В. И. Ленина³. Милюков увязал причины «большого террора» 30-х гг. XX в.,

¹ Военно-феодальный режим.

² Иномарки // Последние новости. Париж, 1934. 3 апр.

³ После Ленина // Последние новости. Париж, 1939. 30 янв.

осуществленного И. В. Сталиным, с социально-экономической моделью общества, возникшего в СССР. Тот общественный экспериментальный опыт привел в итоге к возникновению мощной военно-индустриальной державы, государственно-капиталистического типа. Общество базировалось на социальной демагогии, действительной основой существования этой модели была система всеобщего страха, принуждения населения к труду путем террора в условиях всеобщей нищеты и общей культурной и технической отсталости русского общества. Этот образец общественного развития, по мнению П. Н. Милюкова, не имел ничего общего с мировым прогрессом цивилизации и являлся тупиковой ветвью развития цивилизации.

Глава 2

Н. С. Тимашев в 20–30-х годах XX века: оценка преобразований России коммунистическим режимом

Значительная часть русской диаспоры категорически не принимала русскую революцию 1917 г. и не хотела признавать свой проигрыш в противостоянии с большевиками. Эта часть русских беженцев не признавала даже элементов положительного в деятельности большевистских властей России. Они рассматривали большевизм как болезнь русского общества и готовы были ликвидировать большевизм «хирургическим» путем. Эти группы русских беженцев принимали идею реванша и даже новой интервенции против СССР. Теоретической базой для исследователей с такими убеждениями являлся классический либерализм. В этом плане особый интерес представляют воззрения профессора Н. С. Тимашева – признанного теоретика праволиберальной газеты «Возрождение» (Париж, 1925–1940).

Н. С. Тимашев был признанным специалистом права и социологии. Он принимал самое активное участие в борьбе с большевистским режимом и в 1921 г., буквально перед своим арестом, сумел покинуть Россию и по льду уйти в Финляндию. В 1928 г. он начал работать в газете правых русских либералов «Возрождение». Теоретики этой газеты достаточно негативно относились к перспективам установления в постсоветской России демократического строя. Эта часть русских либералов ратовала за активные формы борьбы с большевистским режимом, или «активизм». Об этом они постоянно спорили с П. Н. Милюковым и заявляли, что не принимают идеи последнего о способности коммунистов решить национальные задачи

России и что для ликвидации коммунистического режима возможны любые методы¹.

Постсоветскую будущность России они видели в либеральной частнокапиталистической модели, исключаящей любое вмешательство государства в социально-экономическую жизнь общества. Принимая для постсоветской России принцип диктаторской власти, они отстаивали в качестве базовых принципы гражданских свобод².

Н. С. Тимашев в 1930-х гг. попытался проанализировать и оценить сталинский проект преобразования России³. Он обратил внимание, что этот проект оказался затратным и неэффективным⁴. По его мнению, большевики в ходе коллективизации сельского хозяйства нарушили естественное движение страны в направлении нормального фермерского развития.

«Путь интенсификации сельского хозяйства, это как раз тот путь, на котором стояла Россия после Столыпинской реформы и который, будучи геополитически вполне обоснован, сулил ей полный расцвет. С этого пути сошли большевики; вся их аграрная политика, несмотря на громкие слова и эффектные для непосвященных меры, идет в разрыв с тем, что требовалось бы для ее подлинной интенсификации»⁵.

Н. С. Тимашев отметил тот факт, что и на Западе, и в русской диаспоре возникло мнение о грандиозности сталинских свершений: «Некоторые эмигранты (имеется в виду группа Милюкова) поддерживают большевиков за их энергичную защиту русского единства, выражают изумление, как это могут некоторые эмигранты (здесь прямо указывается “Возрождение”) желать поражения своему Отечеству»⁶.

¹ Ликвидация эволюционизма // Возрождение. Париж, 1929. 4 янв.

² Без пут // Возрождение. Возрождение. Париж, 1929. 6 марта.

³ Тимашев Н. С. Вторая пятилетка // Возрождение. Париж, 1934. 19 июля.

⁴ Тимашев Н. С. Вторая пятилетка // Возрождение. Париж, 1934. 24 июля.

⁵ Тимашев Н. С. Русское пространство // Возрождение. Париж, 1934. 23 июня.

⁶ Там же.

Также он обращал внимание на диспропорции большевистского режима: «Если большевики построили какие-то дома, то они разрушили гораздо больше домов. Если они где-то построили новые железнодорожные ветви, то общая сеть железных дорог пришла в такую негодность, что теперь даже друзья большевиков вынуждены говорить о бедственном состоянии железнодорожного транспорта»¹.

Н. С. Тимашев 1936 г. был приглашен работать в Гарвардский университет и переехал за океан.

Надо признать, что в конце 1930-х гг. правые либералы стали очень положительно относиться к тоталитарным режимам, возникшим в Европе.

При рассмотрении эволюции оценок большевистского режима правым русским либерализмом, и прежде всего Н. С. Тимашевым, обращает на себя внимание та серьезнейшая аналитическая работа, которая сочеталась с представлениями о будущем постсоветской России. Неограниченная рыночная экономика под защитой диктатуры – вот то будущее, которое видел Н. С. Тимашев для России. Отметим, что сама идея быстрого развития страны на основе рынка, гражданских свобод и политической диктатуры нашла свое воплощение во второй половине XX в., и в этом плане идеи Н. С. Тимашева были во многом пророческими.

¹ Империя и коммунизм // Возрождение. Париж, 1939. 20 окт.

Глава 3

В. М. Чернов. 20–40-е годы XX века: от социокапитализма к этатизму

Крупнейшим представителем обществоведческой мысли России в начале и середине XX в. по праву считается лидер эсеровской партии В. М. Чернов. Он создал саму концепцию «третьего пути», с которой эсеровская партия прошла революционные потрясения первых десятилетий XX в.

В эмиграции В. М. Чернов руководил, наверное, самым научным и беспристрастным изданием русской эмиграции – журналом «Революционная Россия». Само название журнала показывало, что эсеры возвращались к своим истокам – изданию с тем же названием начала XX в., которое позволило им создать партию и начать борьбу с царским деспотизмом.

Прежде всего, В. М. Чернов попытался понять, как большевики планировали перестроить Россию. Он всегда подчеркивал свою приверженность марксистской теоретической парадигме. С точки зрения западноевропейского варианта марксизма, страна просто-напросто не была готова принять социалистическую общественную альтернативу в силу формационной отсталости. Естественно, лидеры большевиков ясно осознавали в 1917 г. историческую, формационную отсталость России. Большевистская схема общественного прогресса предполагала успех мировой революции, которая должна была компенсировать русскую отсталость и вывести страну на уровень передовых центров планеты. Большевики, по мнению Чернова, будучи революционными романтиками, постоянно экспериментировали в ожидании мировой революции и поэтому национализировали все элементы российской экономики.

В. М. Чернов еще в начале 20-х гг. XX в. обратил внимание на принципиальный момент эволюции человеческой цивили-

зации в ее наиболее передовых общественных центрах. Первая мировая война привела к исчезновению классического капитализма, описанного К. Марксом. По мнению, В. М. Чернова, после окончания Первой мировой войны цивилизация вступила в процесс новой трансформации, новая социальная эпоха, социальные отношения, основанные на обобществлении, начинают выстраиваться естественным путем.

Методологические установки концепции социокapи- тализма послужили для В. М. Чернова той базой, на которой он строил свой анализ развития и планеты, и большевистской социально-экономической политики. Рассматривая большевистскую теорию и практику, он обратил внимание, что романтический период истории большевизма, связанный с попыткой распространения мирового революционного процесса, и представления о России как об инструменте для разжигания этого явления привели в итоге к тяжелейшим последствиям. Только народные выступления заставили большевиков отказаться от ужасов военного коммунизма. Как временную передышку в ожидании нового революционного натиска В. И. Ленин и ввел НЭП.

Однако наступила стабилизация, и мировая революция окончательно превратилась в миф. Новая эпоха вызвала грандиозный переворот в сознании лидера большевиков. Перед своей смертью возникла новая ленинская теоретическая доктрина, предполагавшая возможность перехода к социализму на основе кооперативной формы хозяйствования, причем это В. И. Ленин признавал возможным не только для русского крестьянства, но и для развивающихся стран, при опоре на власть прогрессивной партии¹.

В. М. Чернов прямо заявил, что предсмертные ленинские открытия явились переосмыслением разработанной им эсе-

¹ Новая дискуссия и «комнародничество» // Революционная Россия. Берлин, 1926. № 46. С. 1.

ровской модели общественного развития, известной как «третий путь»¹.

Тем самым НЭП оказался не просто тактикой, а превратился в подлинно новую стратегическую установку эволюционного развития России².

Для успеха этой стратегической линии необходимо было любым путем получить прямые западные инвестиции. Программа концессий потерпела полный крах. Получить большой внешний заем тоже не удалось. Основные свободные американские капиталы поглотила восстанавливающаяся после войны Западная Европа. Кроме того, правящая группа РКП(б) во главе с Г. Е. Зиновьевым по-прежнему поддерживала надежды на мировой революционный прогресс, что приводило к терроризму. «Старые большевики», или «евроромантики» по образному выражению В. М. Чернова, обостряли внешнеполитическое положение СССР и тем самым препятствовали западной финансовой помощи. «Рядом с реально навязанной жизнью, задачей восстановления хозяйства, она имеет другие задачи, вытекающие из природы коммунистической диктатуры. Это мировые задачи коммунизма, это линия Коминтерна, линия взрывания стабилизации Европы. Европейский капитал был бы сумасшедшим, если бы давал деньги на все это»³.

В. М. Чернов указывал на опасения Запада относительно того, что его деньги пойдут на организацию подрывных акций. «А где у европейского капитала *гарантии производственного применения займа?*.. Европейскому капитализму глубоко безразлично само по себе, есть ли в России демократические учреждения или нет. Но демократические учреждения создают возможность правильной отчетности и действительного вну-

¹ Чернов В. В мире переотражений // Революционная Россия. Берлин, 1928. № 63–64. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Чернов В. Безысходное противоречие // Революционная Россия. Берлин, 1925. № 43. С. 13–14.

треннего контроля»¹. Получалось, что СССР мог рассчитывать только на себя, на внутренние резервы страны.

Однако между ленинской моделью и черновским идеями лежала глубокая пропасть. Большевики уповали только на диктатуру, которая сумеет направить развитие цивилизации в нужное ей русло. В этом плане народу отводилась роль объекта большевистских преобразований. Для В. М. Чернова народ – сам творец своей истории.

«Вместо признания за кооперативной эволюцией земледелия *органических* данных для развития в высшие формы на сцену появляется признание земледелия, трудового хозяйства и кооперации – пассивным податливым материалом, что-то вроде мягкой глины в руках горшечника»².

К середине 1920-х гг. социально-экономическая система НЭПа окончательно сложилась. Однако после В. И. Ленина перед лидерами большевиков опять встал дискуссионный вопрос о тенденциях эволюции России. Группа Г. Е. Зиновьева строила свою политику, основываясь на мифических надеждах на мировую революцию, что фактически означало торможение всех социально-экономических процессов в СССР. Н. Г. Сокольников, напротив, прямо заявил о необходимости «продолжить отступление» в направлении откровенного капитализма при сохранении власти коммунистов, примерно так, как это было реализовано в Китае в конце XX в.: «...Прямо предлагают, – “перекрестясь, да в воду”, в холодную воду возврата почти к чистому капитализму»³.

Эта линия привлечения западных инвестиций, по сути дела, означала подчинение России. В. М. Чернов назвал «либеральную» концепцию «комколониальной»⁴.

¹ Чернов В. Безысходное противоречие. С. 13–14.

² Чернов В. В мире переотражений. С. 8.

³ Новая дискуссия и «комнародничество». С. 9.

⁴ Чернов В. В мире переотражений. С. 7.

Сталинское руководство страны разработало модель строительства социализма в одной стране, хотя это явно противоречило прежним установкам коммунистической партии, да и базовым установкам марксизма в целом. Огромные просторы России позволяли говорить о возможности успеха этой линии, так как страна сопоставима с целым континентом, – ответил на критику один из лидеров правящей группы Н. И. Бухарин, и В. М. Чернов тогда в принципе поддержал его выводы.

Н. И. Бухарин продолжил исследования В. И. Ленина. Однако кооперативный план Бухарина не был поддержан материально и превратился в итоге в набор благих намерений. «Этот урок должен был еще более укрепить коммунистов в том, что строить коммунистические планы на базе крестьянской стихии, значит строить на песке»¹.

И. В. Сталин стремился любым путем сохранить власть за правящей партией, и поэтому, помня о событиях начала 1920-х гг., все силы направлял на поддержку статус-кво, в том числе и в вопросах рыночной экономики. Опять же во имя сохранения любой ценой власти большевиков он пришел к выводу о необходимости не допустить восстания крестьян. Сталин вообще ликвидировал рыночные отношения, закрепостил деревню в форме коллективизации и, экспроприировав порабощенную деревню, сумел начать процесс ускоренной индустриализации. Эта политика не была новым военным коммунизмом. Это был очень рискованный, но продуманный курс на выживание большевистской диктатуры.

После захвата Европы нацистами В. М. Чернов сумел оказаться в США. Эсеры поддержали Советский Союз после нападения нацистов в 1941 г. «Россия стала очередной жертвой гитлеровской агрессии. Ей грозит расчленение, порабощение и обращение в вассальную колонию Третьего Рейха. В этот роко-

¹ Шрейдер Гр. Червонец, бюджет, вывоз // Революционная Россия. Берлин, 1926. № 48. С. 2.

вой исторический момент мы единодушно признаем необходимость стать на защиту России и всемерно приветствуем соответствующие решения Лондона и Вашингтона»¹.

В. М. Чернов обратил внимание, что русский коммунизм, германский нацизм и итальянский фашизм явно не вписывались в те модели исторического развития, которые строили марксисты в начале XX в. Именно учение об империализме явилось теоретическим прорывом для всех марксистов. Никто не ожидал, что могут возникнуть совершенно новые общественные системы. «Большевизм и фашизм имели разное происхождение, совершенно различную внутреннюю природу, однако по своей сути в конце 30-х годов, утверждал В. М. Чернов, они создали схожую социально-экономическую и политическую модель. Он заявил, что такое сходство было не случайным, а отражало закономерный процесс развития человеческой цивилизации, создающей новый вариант общественного устройства»².

В СССР сложилась система так называемого «Государства-Хозяина»³.

Социал-демократы увидели в советской модели раннюю стадию социализма и проблемы связывали с детскими болезнями роста, как это прямо утверждал социал-демократ А. Югов⁴:

- во-первых, новая, сталинская экономическая модель привела к быстрому росту национального дохода;
- во-вторых, развитие тяжелой промышленности за счет легкой являлось временным явлением, своеобразной болезнью роста;

¹ Резолюция Нью-Йоркской группы партии социалистов-революционеров о советско-германской войне // За свободу. Нью-Йорк, 1941. № 2–3. С. 2.

² *Малыхин К. Г.* Русское зарубежье 20–30-х годов XX века: Оценка большевистского реформирования России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 86.

³ *Чернов В. К.* Познанию советской экономики // За свободу. Нью-Йорк, 1942. С. 13.

⁴ *Малыхин К. Г.* Русское зарубежье 20–30-х годов XX века... С. 89–90.

- в-третьих, преимущественное развитие тяжелого машиностроения было обусловлено системной отсталостью российской индустрии, ее общим отставанием от передовых держав, не говоря уже об общей изношенности технологической базы в годы новой экономической политики;
- в-четвертых, жесточайшая эксплуатация рабочего класса и его нищета также, по мнению А. Югова, являлись временным явлением, связанным со стремлением быстро поднять Советский Союз до уровня развитых стран. В конце 30-х гг. XX в., по мере экономического роста страны, процесс абсолютного обнищания рабочего класса сменился ростом его жизненного уровня;
- в-пятых, бюрократизм проявляется во всех высокоорганизованных сообществах, связан с любой формой проявления организованной жизнедеятельности. Бюрократизм проникает во все сферы жизнедеятельности даже вполне демократических сообществ: в профсоюзы, кооперативы и т. д. В СССР это явление связано со становлением нового общественного порядка и не привело к возникновению нового социального господствующего слоя.

Однако достаточно коррелируемая модель общественного развития сложилась в такой, казалось, передовой стране, как гитлеровская Германия. В Германии предприниматель был лишен всех прав и свобод и превратился в раба государства.

«Государство-Хозяин ликвидирует хозяйственный автоматизм. Прежняя система регуляции экономики на основе закона стоимости исчезла вовсе. Государство-Хозяин полностью поглощает экономическую стихию рынка.

Природа тоталитарного Государства-Хозяина такова, что рабочий не имеет возможности найти защиту у профсоюзов, полностью подчиненных большевиками, или найти себе другого работодателя, по причине отсутствия таковых в тоталитарных государствах. Он не может обратиться к такому средству борьбы, как забастовка, что расценивается властью как поли-

тическое преступление. Государство-Хозяин определяет норму эксплуатации рабочего класса. Государство-Хозяин изымает прибавочную стоимость в процессе торгового оборота, причем оно устанавливает монополично высокие цены, не считаясь с законом стоимости»¹.

Во всех тоталитарных государствах возникли две крупнейшие социальные группы – элита и трудовая масса. «Тоталитарная экономика этатизма поглощает и растворяет все деление на классы буржуазно-капиталистического порядка в новом, чисто функциональном распаде на 1) командную социально-политическую “элисту” выдвигенческого происхождения (“народопродуктивный слой” политического словаря “евразийцев”) и 2) организуемую и нивелируемую ею исполнительно-трудовую массу»².

По сути дела, произошло восстановление тех элементов общественной жизни, которые, казалось, были изжиты еще столетия назад, и новый строй напоминал больше феодализм или еще более отсталые восточно-деспотические формы общественной жизнедеятельности.

Эти государства не имели внутренних аспектов конкуренции, они развивались на экстенсивной основе, и единственным моментом конкуренции была тенденция к расширению своих территорий, именно в силу экстенсивного развития, а следовательно, и внешние войны. В этом плане нападение нацистов на СССР, их политика завоевания «жизненного пространства на Востоке» получили в работах В. М. Чернова хотя и страшное, но научное обоснование. «У Государства-Хозяина нет того стимула межиндивидуальной конкуренции, которая прищипывала частных капиталистов-предпринимателей, гоня к удешевлению, повышению качества, увеличению ассортимента продукции, и которая именно для успеха на рынке побуждала их к

¹ *Малыхин К. Г.* Русское зарубежье 20–30-х годов XX века... С. 91.

² *Чернов В.* На путях этатизма // За свободу. Нью-Йорк, 1942. № 8–9. С. 43.

сбережениям, к накоплению и максимальной капитализации прибавочной стоимости. Но у него есть своя, не менее прищипывающая конкуренция – с другими государствами-хозяевами, также крепящими свою производственную вообще, оборонную в частности мускулатуру»¹.

В. М. Чернов утверждал, что возникла новая общественная модель. «Перед нами не социализм, а некий “третий” строй, в котором социалистическое взаимоотношение между производством и потреблением перевернуто вверх ногами, как перевернуто вверх ногами и в самом производстве нормальное социалистическое соотношение между производством средств производства и производством средств потребления»².

Новые общественные отношения, по мнению В. М. Чернова, явно не соответствуют прежней формационной модели К. Маркса и новое общественное образование представляет собой совершенно новую общественную формацию, К. Марксом не описанную. Чернов предложил выделить этатическую формацию наряду с капитализмом и феодализмом:

«Я вижу, что и сейчас многие марксисты не видят, что один и тот же этатизм, лишь в разных своих разновидностях, одержал победу над социализмом: в России как большевизм, в Италии как фашизм, в Германии как нацизм. Экономическая система у всех трех характеризуется одними и теми же основными признаками... Маркс укладывал историю в три фазиса: (прошлый) феодализм, (настоящий) капитализм и (грядущий) социализм. Третье место оспаривается ныне этатизмом. Суждена ли ему, наподобие феодальной и капиталистической, своя, столь же длинная тоталитарная эпоха? Отцветет ли он, не успевши расцвести? Последнее слово в этом вопросе принадлежит второй мировой войне – нашей мировой войне за демократию и социализм против тоталитарности и этатизма...

¹ Чернов В. На путях этатизма. С. 43. Там же.

² Чернов В. К познанию советской экономики. С. 15.

Этатизм в народном хозяйстве также логически приводит к гиперимпериализму, как капитализм в фазе гегемонии финансового капитала к империализму просто. Вопрос стоит так: кто в сеть собственной автаркии сумеет постепенно уловить весь мир?»¹.

В. М. Чернов в американской эмиграции проявил себя не только как обществовед-теоретик, но и как патриот своей страны, человек, сумевший проявить недюжинные аналитические способности. В этом плане показательно его письмо И. В. Сталину, написанное в 1942 г. Чернов ясно осознавал, что на бескрайних просторах СССР решалась не только судьба России, но судьба всей мировой цивилизации. «Перед нашей родиной поставлен жуткий вопрос – быть или не быть. И тот же вопрос поставлен перед всей нашей цивилизацией, которая при всех своих несовершенствах, порою и извращениях, есть цивилизация гуманитарная и демократическая, цивилизация прав человека, личных и общественных свобод и трудовой солидаризации. На все эти выстраданные человечеством непреходящие ценности заносит свой бронированный кулак современный “зверь из бездны”. Это тоталитарное чудовище грозит охватить весь мир цепями своего “нового порядка”, порядка, основанного на мифической “естественной иерархии рас”, на идолопоклонстве перед хищным национальным государством и на обращении человека в его слепое орудие – обездушенного робота... Встреча, которую уготовили народы нашей родины гитлеровским моторизированным полчищам, дает нам право гордиться ими. Проявленные ими моральная сплоченность и единство, жертвенность и массовый героизм могут быть предметом зависти и восхищения наций с заслуженною репутацией самых передовых и культурных – избалованных первенцев истории... Советская Россия готовилась к новым военным испытаниям двадцать лет. Страна недоеда-

¹ Чернов В. На путях этатизма. С. 37–38.

ла, но отдавала все свои силы и ресурсы созданию оборонной промышленности»¹.

И к началу 40-х годов не только СССР, но и весь мир осознал простую вещь, писал В. М. Чернов, – что новая индустриальная Россия готова сразиться с любым врагом, который решится на нее напасть. И более того, Чернов – один из немногих русских демократов, оправдывающих, пусть и сквозь зубы, пакт «Молотова–Риббентропа»: Запад получил урок; СССР не дал себя втянуть в войну и выиграл время для укрепления своей обороноспособности. «Но вот пришло успокаивающее разъяснение: его надо рассматривать как суровый, пусть даже жестокий, но заслуженный Западом урок – он не хотел равняться по Советскому Союзу, он дал Гитлеру усилиться, пусть же теперь разделяется с ним, как хочет. Отныне Союз отходит в сторону... Надо выиграть время, и этим оправдывается не только попустительство покушениям гнусного агрессора против европейского мира, но и снабжение его военным сырьем. Надо обеспечить тыл вокруг Ленинграда и получить в свои руки важнейшие военно-морские базы на Прибалтике: малые, прячущиеся в раковину нейтралитета прибрежные народы когда-нибудь сами поймут, что Советский Союз должен был во имя всеобщего интереса сломить силою ограниченность их исторического кругозора и стать твердою ногою на их территориях. Нельзя было дать преждевременно вовлечь себя в войну и лучше было пойти на четвертый раздел Польши, чем дать целиком ее захватить одному Гитлеру. И вот лилась финская и русская кровь, шла комедия добровольной советизации оккупированных земель Эстонии, Латвии и Литвы, русским вторжением наносился удар в тыл героической, изнемогавшей в неравной борьбе Польши»².

¹ Чернов В. Письмо И. В. Сталину // Hoover Institution Archives. В. Nicolaevsky Collection. Box 386. Folder 7.

² Там же.

Далее В. М. Чернов попытался проанализировать причины поражения Красной Армии в первые годы войны. Он подошел к этому вопросу, как и ко всем темам, которые исследовал, как серьезнейший аналитик, и привел целый комплекс причин, приведший к катастрофе 1941–1942 гг. В 10–11-м номерах «За свободу» в 1943 г. появилась статья В. М. Чернова «Сталинград». Он ясно понимал, что именно на Волге, в Сталинградской битве решается судьба нашей родины и всего мира.

«Сталинград! Это имя собственное давно уже превратилось в “слово-символ”... Опираясь на такой город, можно сказать незабываемыми словами защитников Мадрида: “No paseran” – здесь они не пройдут»¹.

В. М. Чернов отдавал себе отчет в том, что СССР оказался втянут в противостояние с лучшей армией тогдашнего мира. Все предыдущие военные кампании немцев оказались «легкой прогулкой». Вермахт легко разгромил своих противников от Адриатики до Норвегии².

Немцы были окружены со всех сторон врагами и возвели военное искусство в культ. В поклонении этому культу В. М. Чернов увидел что-то религиозное. Он подчеркивает, что немецкая культурная традиция воспитала сам дух стратегической мысли начиная от Фридриха Великого и кончая современными завоевателями Европы, и признает безусловный военный гений немецкой научной мысли.

Командиры же Красной Армии были детьми гражданской войны в России, совершенно не сопоставимой по своему уровню с уровнем самой мощной армии тогдашнего мира. К тому же многие командиры Красной Армии были истреблены в ходе сталинского «большого террора».

В условиях и новой индустриальной войны воюет не техника, а человек. Несмотря на колоссальные успехи советской

¹ Чернов В. М. Сталинград // За свободу. Нью-Йорк, 1943. № 10–11. С. 7.

² Там же.

индустриальной модернизации, уровень подготовки немецких солдат, офицеров, немецкого командования в целом превосходил уровень Красной Армии. Кроме того, В 1939–1941 гг. Германия подчинила или поставила в зависимое положение почти все европейские страны. Все ресурсы западного мира, за исключением Великобритании и США, были мобилизованы немцами для войны с Советским Союзом.

Кроме того, перенос границ на Запад оказался, по мнению В. М. Чернова, серьезной ошибкой: «Сознательно или с завязанными глазами, но вся эта сложная, жуткая и двусмысленная политическая шахматная игра народами Советского Союза была принята. И, о ужас! В этой игре “нас” переиграли. “Мы” не поверили повторным предупреждениям из Лондона и Вашингтона, что “мы” Гитлером уже “взяты на мушку” и что он готовится спустить курок. “Мы” убедили себя, что это – коварные маневры для того, чтобы поссорить “нас” с Гитлером и втянуть в войну. “Мы” воображали, что выигрываем время, а, развязав себе руки договором о ненападении с нами, Гитлер захватывал земли и ресурсы всего континента Европы и обеспечивал себе будущий перевес сил над “нами”. “Мы” воображали, что обеспечиваем себе “базы”, а нам готовили западню, выманивали из твердынь “линии Сталина” – нам не важно сейчас, правильно ли это наименование или за ней надо сохранить имя “линии Тухачевского” – чтобы захватить врасплох и разгромить Красную Армию на новых, неукрепленных рубежах, с раздраженным нашей оккупацией населением в тылу... И вот, результат налицо: несмотря на весь несравненный героизм нашего солдата, на всю неслыханную находчивость нашего партизана, на все единодушие крепящего их борьбу “всевыносящего русского племени”, – едва начавшийся второй год войны увидел врага, сторожащего подступы к обеим столицам и шагнувшего с дальних западных рубежей к не помнящим ничего подобного низовью Волги и хребту Кавказа!»¹.

¹ Чернов В. Письмо И. В. Сталину.

Итак, В. М Чернов пришел к выводу, что причины катастрофы начала войны были связаны с рядом факторов. Он выделил стратегические и тактические моменты, приведшие к катастрофе 1941 г. Во-первых, формирование менталитета Германии было связано с милитаризмом. Немецкие солдаты и офицеры были, безусловно, лучшими в мире. Немецкая стратегическая мысль отличалась высочайшим научным уровнем. Русский солдат всегда отчаянно защищал свою Родину, но никогда не стремился завоевывать другие народы. Война изначально была чужда менталитету русского человека. Командиры Красной Армии в основном выдвинулись из простого народа во время гражданской войны в России.

Во-вторых, индустриальное и общецивилизационное развитие Германии началось значительно раньше и привело к более значимым результатам по сравнению с развитием Советской России. СССР только к началу Второй мировой войны сумел достичь примерно сопоставимых количественных показателей по сравнению с европейскими странами.

В-третьих, Германия к 1941 г. сумела мобилизовать ресурсы почти всей Европы. Исключение составляла только Великобритания. Нейтральные государства Европы занимали по отношению к Германии благожелательный нейтралитет.

Тактические ошибки руководителей СССР выяснились уже в ходе войны. Подписание Пакта о ненападении между СССР и Германией привело к переносу границ СССР далеко на Запад. Однако этот, казалось бы, очевидный положительный момент привел к негативным последствиям. Старая укрепленная граница СССР была оставлена, а новую не успели построить.

Внутренние политические процессы в СССР во второй половине 30-х гг. XX в. привели к исчезновению самой подготовленной к современной войне части командиров Красной Армии. Во время «большого террора» большинство командиров было уничтожено или оказалось в заключении. Пришедшие им на смену не обладали необходимыми для современной войны

знаниями и умениями. В итоге немецкие войска оказались под Москвой.

Однако летняя кампания 1942 г. для немецкой армии прошла иначе. Несмотря на свое явное превосходство, немцы не могли действовать так, как они действовали в 1941 г.

«Общий план ведения войны в 1942 году с немецкой стороны был существеннейшим образом отличен от плана 1941 года. Тогда германская стратегия действовала в нарушение завета Клаузевица о “необходимости концентрирования ударной силы”. Велось одновременное наступление по всему русскому фронту от Финского залива до Черного моря. Из заявлений Гитлера, Геббельса и др. мы знаем, на что надеялись наступающие: на полное сокрушение Красной Армии и на взятие Москвы, Ленинграда, Харькова и Ростова, иными словами, на окончательную и решительную победу»¹.

Действительно, в 1941 г., пишет В. М. Чернов, немцам удалось нанести серьезный урон Красной Армии. Они захватили территорию СССР, превосходящую по размерам Германию, Австро-Венгрию, Румынию и Польшу вместе взятые. Однако реализовать свой стратегический замысел в 1941 г. немцы не сумели. Героические усилия народов СССР сорвали планы агрессоров.

Советское командование надеялось, что зимой 1941–1942 гг. Красной Армии удалось остановить немецкий стратегический порыв и развитие военных действий пойдет в другом направлении. Однако в действительности все пошло совсем по-другому.

В. М. Чернов писал: «Судя по расположению русских сил, командование Красной Армии ожидало продолжения тактики предыдущего года. Но противник готовил ему большой стратегический сюрприз. Возврат “назад к Клаузевицу”. В решаю-

¹ *Обозреватель*. Летняя кампания немцев на Юге России // За свободу. Нью-Йорк, 1943. № 10–11. С. 15–16.

щий момент кампании на протяжении всего только четверти русского фронта у немцев оказалось сосредоточено около 40 % имевшейся на русском фронте пехоты и больше половины сухопутных и воздушных ударных сил»¹. Чернов пояснил, что немецкое командование ставило перед собой задачу захвата всего Юга страны, Кавказа и прекращения сообщения по Волге, являвшегося одним из важнейших факторов западной помощи СССР.

Немецкая тактика предполагала удар танковыми соединениями при поддержке авиации. Затем захваченные позиции занимали механизированные части, писал В. М. Чернов. Помимо великолепной подготовки, у немецкой армии был ряд преимуществ. Красная Армия уступала немецкой по количеству танков и авиации. «К тому же к услугам немцев было военное сырье и заводы всей Европы, а Красная Армия только лишилась как главных источников стали, угля и пр., так и нескольких крупных центров производства аэропланов, танков, транспортных автомобилей. В связи с большими в них потерями за 1941 год создалось неравенство»². Поставки союзников оказались недостаточными и не смогли компенсировать потери Красной Армии, утверждал В. М. Чернов.

Первоначально немцы смогли ликвидировать советское сопротивление под Севастополем. Они сосредоточили основные силы под Харьковом, могли ударить и на московском, и на южном направлении. Красная Армия, пытаясь опередить немецкое наступление, ударила первой, однако превосходство немцев в танковых, механизированных и авиационных частях позволило им разгромить весной 1942 г. войска маршала Тимошенко. Немцы переиграли Красную Армию и стратегически, и тактически. Южный фронт был разгромлен³.

¹ *Обозреватель*. Летняя кампания немцев на Юге России. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 19–20.

События 1942 г. принципиально отличались от событий 1941 г., когда немцы наступали по всему фронту. В 1942 г. был нанесен удар всех сил Германии и их европейских союзников по одному флангу русского фронта. Да, писал В. М. Чернов, немцы смогли выйти к Кавказу и Волге, к самому Сталинграду. Однако именно героическое сопротивление народов СССР, Красной Армии привело к тому, что это были, по сути, последние победы немцев. Германия выдохлась, исчерпала свои резервы и остановилась у порога Кавказа и на Волге. В. М. Чернов пророчески писал в начале 1943 г., что Сталинград стал русским Верденом. Более того, он заявил, что именно из-под Сталинграда начнется разгром Германии.

«Сталинград стал русским Верденом. За блестящей главой его защиты следует новая глава. Узкий коридор, которым немцы подошли к Сталинграду и который стал для них тупиком, может быть взят в клещи. Когда пишутся эти строки, русские силы с севера и с юга угрожают бьющимся в Сталинграде немецким силам смычкой в их тылу»¹.

¹ *Обозреватель*. Летняя кампания немцев на Юге России. С. 21.

Глава 4

Ф. И. Дан в 30-х годах XX века: постбольшевистская Россия

Российская социал-демократия в изгнании превратилась в группу ученых-исследователей, достаточно благожелательно анализировавших события, разворачивавшиеся в Советской России. Центральным органом этой группы исследователей был журнал «Социалистический вестник», на страницах которого происходил анализ всех возможных сценариев развития России. Российская социал-демократия пользовалась поддержкой самой мощной левой партии тогдашней Европы – германской социал-демократии, что и позволило русским беженцам – социал-демократам проводить академические исследования.

Безоговорочным лидером этой группы был Ф. И. Дан, аналитический дар которого явно превосходил способности его коллег по журналу и товарищей по партии. Именно перу Ф. И. Дана принадлежат важнейшие открытия о судьбе России. Его анализ и прогноз поражают прозорливостью. Именно Ф. И. Дан сумел просчитать будущее постбольшевистской России на десятилетия вперед.

Известный и самый авторитетный социалист О. Бауэр, знакомый с самим Ф. Энгельсом, опубликовал в 1931 г. в Вене, в «Рабочей газете», целую серию статей. Оценки О. Бауэра представляли особый интерес, так как этот крупнейший теоретик западноевропейской социал-демократии заявил, что И. В. Сталин создал базис социалистического строя в СССР и что цена преобразований адекватна свершениям.

В условия возможности индустриальной интервенции передовых стран, опираясь на технологическую базу индустриальных государств мира, Россия, по мнению О. Бауэра, была способна быстро преодолеть период потрясений. Более того,

он заявил, что сталинская вестернизация – явление безоговорочно прогрессивное, а ее срыв означал бы отбрасывание России в доиндустриальное, патриархальное прошлое.

Ф. И. Дан первым остро отреагировал на выводы О. Бауэра. Дан доказывал, что план сталинской индустриализации и коллективизации вполне реален и коммунисты сумеют его реализовать. Как прогрессист, он поддержал коммунистическую перестройку России.

«...Но допустим на минуту, что хозяйственный оптимизм О. Бауэра оправдывается, и в этом гипотетическом случае не представляет ли себе Бауэр слишком механистически процесс возникновения коммунистического строя, когда думает, что для этого достаточно нахлобучить политическую демократию на готовый остов государственно-капиталистического хозяйства... Мы готовы идти к коалиционному компромиссу с большевиками на почве существующей системы, т. е. советской системы... Задача социал-демократии – убедить большевиков в необходимости демократической самоликвидации, чтобы предотвратить ее насильственное свержение и установление контрреволюции»¹.

А. Югов высказался в поддержку Ф. И. Дана: «Достаточно хоть немного знать хозяйственный процесс последнего года, чтобы признать, что советской власти удалось выполнить эту программу в значительной мере»². А. Югов признал очевидное: в СССР фактически была завершена коллективизация и индустриализация и уничтожены все проявления частного капитализма. Он поддержал прогрессивное, по его мнению, обобществление сельского хозяйства, связанное с ликвидацией крестьянской парцеллы, его укрупнение и механизацию, отвергнув, конечно, насилие, сопровождавшее эти процессы.

¹ Дан Ф. К международной дискуссии о русской социал-демократии // Социалистический вестник. Берлин, 1932. № 1/2. С. 5.

² Югов А. Итоги 1931 г. и план на 1932 г. // Социалистический вестник. Берлин, 1932. № 1/2. С. 10.

П. Гарви отказался принять логику О. Бауэра и Ф. И. Дана. По его мнению, опыт большевизма четко показал капитуляцию западной теоретической социал-демократии. Он не признавал возможности при использовании принципов технической интервенции стремительно создать новое социальное устройство. «Ибо, по Марксу, дело идет не только о фабриках и заводах, о машинах и моторах, об инженерах и монтерах, но и о тех сложных элементах культурного, политического и социального *развития*, которые неотрывно связаны с этапом индустриального капитализма как целого исторического периода, в котором рабочий класс, в частности, проходит длительную школу практической классово-борьбы. Можно, конечно, перенести в Россию в готовом виде последние достижения промышленности, техники, но нельзя импортировать в готовом виде результаты целого исторического периода социальной трансформации, культурного развития, политического воспитания, классово-борьбы, всего того, что делает страну подготовленной, а ее пролетариат зрелым для совершения великого общественного переворота»¹. Он упрекнул Ф. И. Дана в попытках ревизии самой партийной программы и в безоговорочной поддержке большевистского курса на ускоренную вестернизацию России, который совершенно не считался с жертвами среди населения.

Теоретик социал-демократии О. Доманевская в споре с П. Гарви утверждала, что российская социал-демократия должна переосмыслить старые теоретические доктрины: «*Необязательно, чтобы Россия прошла вновь капиталистическую фазу. Можно допустить, что современный советский строй может непосредственно перейти в социалистический*»². Она полагала, что прогнозы, сделанные теоретиками социал-демократии со-

¹ Гарви П. Капитуляция или борьба // Социалистический вестник. Берлин, 1932. № 5. С. 8.

² Доманевская О. Перспективы русской революции // Социалистический вестник. Берлин, 1932. № 5. С. 10.

рок лет тому назад, явно устарели в новое время и что технологическая интервенция из передовых стран в отсталые позволит последним стремительно догнать своих конкурентов. Новая Россия преодолевает отставание от Европы, и более того, именно особенности советской модели – концентрация и национализация и ее плановых характер – способствовали успеху дела преобразования страны: «Сосредоточение всей экономической мощи страны в руках государства, в котором ликвидировано влияние имущих слоев, в котором руководствуются не интересами той или иной капиталистической группы, а интересами всего хозяйственного целого, – даже при неправильной экономической политике создает несравненно большую эластичность системы, ее большую способность к лавированию, маневрированию, большую устойчивость, чем это могло быть при тех же условиях в капиталистическом государстве»¹.

Доманевская доказывала, что диктатура так или иначе отстаивала интересы русских рабочих: «...это социальное содержание приводит к тому, что национализация в России является не формой госкапиталистического строя, а “элементом социализма”, т. е. теми условными элементами, которые при благоприятных международных условиях смогут способствовать непосредственному переходу к социализму без необходимости производить социалистическую революцию»².

Ф. И. Дан вновь выступил со статьей, вынужденный отвечать на выступления и слева, и справа. Он припомнил, как в 1920-х гг. меньшевики предполагали, что развитие страны пойдет по законам нормальной рыночной экономики, а эволюция противоречий НЭПа приведет к гибели большевистской диктатуры. Однако все получилось с точностью до наоборот: «...мы думали, что экономическая “реконструкция” будет совершаться преимущественно на *частно-капиталистической* основе и на

¹ Доманевская О. Перспективы русской революции. С. 12.

² Там же.

основе *мелкого индивидуального* хозяйства в земледелии, и что *социально* ее главным носителем будет возрождающаяся городская и сельская буржуазия, и что именно поэтому экономический кризис НЭПа будет одновременно и политическим кризисом большевистской диктатуры, поскольку для выполнения “реконструктивной” функции буржуазия нуждается в минимуме такого гражданского и политического правопорядка, который с этой диктатурой несовместим»¹.

По мнению Ф. И. Дана, в 30-х гг. XX в. деспотия начала настоящую вестернизацию страны, по сути технологическую интервенцию². Так же, как и Н. В. Устрялов, Ф. И. Дан сравнивал сталинскую трансформацию России с Петровской вестернизацией: «Перефразируя известные слова Маркса, можно сказать, что и в данном случае (как это было, впрочем, например, и в эпоху Петра Великого) террор, конфискующий на предмет строительства не только накопления, но и значительную долю потребительских доходов, с головокружительной быстротой осуществляет задачу, с которой осторожная и расчетливая буржуазия не справилась бы и за десятилетия»³.

Самое интересное заключается в интерпретации Ф. И. Даном будущего постбольшевистской России. Он признал, что рано или поздно большевистская диктатура или падет, или трансформируется в нечто совершенно иное. Естественно, возникнет вопрос «большевистского наследства». Постбольшевистское государство неизбежно наследует большевистскую государственную экономику. Любое русское правительство будет вынуждено как-то строить экономические отношения с постсоветской индустрией и коллективным сельским хозяйством. Новый национальный капитал будет просто нищим и

¹ Дан Ф. К проблеме социально-экономического развития СССР // Социалистический вестник. Берлин, 1932. № 6. С. 11.

² Там же.

³ Там же.

поэтому неплатежеспособным для участия в процессах новой приватизации. «...Скудость накоплений будет служить препятствием и для перехода государственных промышленных гигантов в руки частного капитала: ведь даже один оборотный капитал, нужный для поддержания их на ходу, достигает почти астрономических размеров»¹.

Иностранный капитал, полагал Дан, смог бы участвовать в русском индустриальном эксперименте. Именно постсоветское государство, по его мнению, должно нивелировать процесс подчинения страны международным корпорациям. «Правда, если русскому частному капиталу задача овладения государственной промышленностью непосильна, то она может оказаться по плечу *иностранному капиталу*, без широкого привлечения которого, за исчерпанием внутренних ресурсов, вообще трудно представить себе дальнейшее функционирование и развитие русского производственного аппарата. Но поскольку такое привлечение необходимо и неизбежно, самые кровные интересы всего трудящегося населения требуют, чтобы оно было поставлено в условия, исключающие возможность колониального закабаления страны иностранным капиталом, не встречающим даже достаточно мощного антагониста и конкурента в слабом капитале русском. Они требуют поэтому изыскания таких форм участия иностранного капитала в хозяйственной жизни страны (например, акционерных обществ с преобладающим участием государства), которые обеспечили бы демократическому государству решающие позиции»².

Интересные прогнозы Ф. И. Дан сделал относительно развития постсоветской деревни. Он был уверен, что русские крестьяне не будут создавать фермерские хозяйства на осколках колхозного строя, а преобразуют колхозы в полноценные кооперативы. Крестьянам будут выгодны и механизация, и кон-

¹ Дан Ф. К проблеме... С. 12.

² Там же.

центрация, и правильная культура земледелия, реализованные в крупном коллективном хозяйстве.

Против выводов Ф. И. Дана о тенденциях развитии постсоветской России очень ярко выступил Р. Абрамович. Он был уверен, что и в постсоветской России гиганты индустрии нерентабельны по определению.

Естественно, возникал вопрос об источниках финансирования этого постсоветского проекта: «Другими словами, если новое демократическое государство оставит промышленность примерно в том состоянии, в котором она находится сейчас, то оно будет вынуждено по-прежнему искусственно ее поддерживать против конкуренции не только иностранной индустрии, но и частной в самой России; оно вынуждено будет затрачивать ежегодно миллиарды нерентабельным и нерациональным предприятиям»¹.

Р. Абрамович был уверен, что постсоветское правительство организует процесс приватизации индустриального сектора российской экономики, а крестьяне уничтожат все воспоминания о колхозном строе, и в постсоветской России утвердятся нормальный фермерский строй²: «Значит, лозунг огульной денационализации? Возвращение фабрик старым владельцам или сдача их арендаторам, русским и иностранным!»³.

П. Гарви, рассматривая проблемы постсоветской России, пришел к очень печальным выводам. По его мнению, российская национальная индустрия была слабо связана с рынком, неэффективна и поэтому абсолютно непривлекательна для иностранных инвесторов. Приватизация постсоветской индустрии, в силу отсутствия капиталов у вновь зародившейся русской буржуазии, будет делом крайне проблематичным. Посткоммунистическая Россия столкнется с проблемой поиска ис-

¹ Дан Ф. К проблеме... С. 10.

² Абрамович Р. Прогнозы и действительность // Социалистический вестник. Берлин, 1932. № 7. С. 8.

³ Там же.

точников финансирования нерентабельной промышленности. Как будто предвидя ситуацию 1990-х гг., П. Гарви заявил, что большинство предприятий постсоветской России разорится и закроется и страна ждет тяжелейший и затяжной кризис.

«Но независимо даже от оценки перспектив частно-хозяйственных накоплений, “на другой день” широчайшая денационализация промышленности станет финансово-экономически и политически неизбежной. Пусть ограниченный размер частно-капиталистических накоплений поставит относительно тесные рамки переходу предприятий в руки частного капитала – русского и иностранного.

Значит ли это, что государство должно вести *все* предприятия, которые останутся у него на руках? Если эти предприятия будут нерентабельные и если государство не сможет покрывать их дефицит, то не исключен перевод таких предприятий на консервацию или даже полная их ликвидация»¹.

А. Югов на заявления Р. Абрамовича ответил, что любое постсоветское правительство России окажется перед проблемой «большевистского наследства» в индустрии и сельском хозяйстве. Он был уверен, что постсоветская индустрия сумеет адаптироваться к проблемам рыночной экономики, однако фактическим распорядителем постсоветской индустрии окажется постсоветское государство. «Но даже после ликвидации диктатуры любой новой власти еще долго придется поддерживать дотациями индустрию, даже если она будет денационализована. Многолетние рассрочки по уплате сумм за проданные предприятия, гарантированные заказы, льготные кредиты и прямые субсидии, все это неизбежно будет сопровождать денационализацию, так как на иных началах частные лица еще долго не пойдут на предприятия постреволюционной России»².

¹ Абрамович Р. Прогнозы и действительность. С. 14.

² Югов А. Что останется? Госиндустрия и коллективизация // Социалистический вестник. 1932. № 8. С. 11.

А. Югов вслед за Ф. И. Даном доказывал, что в постсоветской России крестьяне сохранят кооперативы и государство должно будет поддерживать этот процесс: «...демократическое государство сможет сыграть большую роль и в охране колхозов от распада на мельчайшие отдельные хозяйства, давая максимум хозяйственных преимуществ тем крестьянам, которые захотят остаться в крупных и товарных сельскохозяйственных кооперативах»¹.

Б. Гуревич, приняв участие в дискуссии, указал, что его противники высказались о продолжительности трансформации постсоветской России в новое государство примерно в десять лет. «Однако Абрамович прав: действительно, в первый период *любая власть*, захочет ли она этого или нет, *вынуждена* будет унаследовать всю госпромышленность, и действительно весь вопрос лишь в том, сможет ли это остаться *постоянным* явлением»².

Исследовал Б. Гуревич и проблему иностранных инвестиций. Он сомневался в инвестиционной привлекательности постсоветской России: «Беда не в том, что для частного капитала не будет приложения, а в том, что капиталов этих нет и всякой власти придется эту госпромышленность унаследовать. Рассчитывать же на немедленный наплыв иностранного капитала можно только при согласии на условиях колониального закабаления»³.

Постсоветское государство будет поддерживать индустрию, опираясь на рентабельно работающие секторы экономики страны⁴. Рассматривая проблемы частного бизнеса в России, Гуревич писал: «Значит ли это, что частного капитала вовсе не будет в России? Конечно, он будет, но, во-первых, сравнительно с потребностями страны его будет ничтожно мало, а во-вторых, поэтому он найдет свое применение в областях, обеспечивающих быстрый оборот, легкое изделие и верную прибыль: в тор-

¹ Югов А. Что останется?.. С. 11.

² Гуревич Б. На почве действительности // Социалистический вестник. 1932. № 9. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 9.

говле, мелкой кустарной промышленности, оставив без внимания основные отрасли руководящей индустрии»¹.

Ф. И. Дан в итоге попытался найти теоретический компромисс в споре российских социал-демократов. Возникший социально-экономический строй сталинской России он определял как госкапиталистический. Судьба социализма в постсоветской России будет зависеть от направления революционного процесса в том новом мире, который возникнет через десятилетия на планете. Если к тому времени в передовых государствах планеты утвердятся социалистический строй, судьба социализма в России будет позитивной и из России советской может возникнуть Россия подлинного социализма. И наоборот, если вокруг постсоветской России возникнет рыночное государственное окружение, Россия будет развиваться как рыночное государство, в котором социальные составляющие государственно-капиталистической модели общества и государства будут иметь определяющее значение: «Но если в ходе той общественной борьбы, которая свойственна этой эпохе, выйдет победителем капитал, будет восстановлено его всевластие и так далее, то нет сомнения, что он, в конце концов, подчинит себе и хозяйственное развитие Советского Союза и советский государственный капитализм также явится переходом не к социализму, а к полноценному торжеству капитала, может быть, преимущественно иностранного, в хозяйстве страны. И наоборот, если в основном итогом переходной эпохи в передовых странах будет все большее укрепление позиций рабочего класса, все больший переход государственной власти в его руки, а поэтому все возрастающее социальное вмешательство в ход общественного развития, то государственно-капиталистические формы советского хозяйства могут оказаться элементами, облегчающими ускоренное втягивание отсталой России в общее русло социального преобразования мира»².

¹ Гуревич Б. На почве действительности. С. 9.

² Дан Ф. К проблеме... С. 14.

Глава 5

Н. В. Устрялов в конце 20-х – начале 30-х годов XX века: эволюция оценок тоталитарной большевистской модернизации

«Гений и злодейство» – проблема, неразрешимая для исследователей и простых людей. Может ли диктатура, деспотия принести реальные позитивные изменения? Оправданна ли та цена преобразований, которую платит общество за свой прогресс? И стоит ли прогресс тех жертв, которые народ той или иной страны вынужден приносить в жертву этому страшному богу?

В российской истории была великая Петровская революция, обернувшаяся рабством крестьян, социокультурным расколом русского общества, массовыми самоубийствами несогласных старообрядцев и т. д. В XX в. стремительный рывок совершили нацисты в Германии, фашисты в Италии. Диктатуры в Южной Корее, Тайване совершили небывалый индустриальный рывок и сумели вывести свои страны в «светлое постиндустриальное будущее». Китайская коммунистическая партия за сорок лет провела небывалые преобразования и не только превратила КНР в индустриальную фабрику всей планеты, но и совершила самую настоящую информационную революцию, превратив разрушенный гражданскими, внешними войнами, всевозможными социальными экспериментами Китай в локомотив всемирного прогресса. Нынешнее «российское чудо» связано не только с относительно высокими ценами на энергоносители в первом десятилетии XXI в., но и с тем политическим режимом, который сложился в нашей стране.

Представляется, что анализ этого феномена теоретиками русского зарубежья 20–30-х гг. XX в. является достаточно значимой научной и гуманитарной проблемой.

В русском зарубежье одним из первых над этой проблемой задумался Н. В. Устрялов – лидер так называемого сменовеховства.

Н. В. Устрялов являлся одной из самых загадочных и непонятых фигур русской эмиграции. Достаточно сказать, что он был лидером партии народной свободы Сибири, однако поддержал переворот А. В. Колчака и стал членом его правительства. Фактически именно он руководил делом политической пропаганды на востоке страны во времена гражданской войны. Затем оказался в эмиграции в Китае и занимался преподавательской деятельностью в вузах Харбина. В тех условиях он нашел свою нишу и, в отличие от большинства русских беженцев, с трудом выживавших в условиях изгнания, материально не нуждался и спокойно поддерживал привычный образ жизни русского интеллигентного человека.

Тем более вызывает неподдельный интерес теоретическая эволюция взглядов этого русского ученого и политика. Н. В. Устрялов подходил к исследованию русской действительности с точки зрения государственника, пытаясь разобраться, что является для России благом. И в большевизме он увидел ту силу, которая смогла собрать Россию и подавить анархию русского бунта, значительно более страшную и дикую даже по сравнению с беззаконием и преступлениями большевистских спецслужб.

В июле 1921 г. в Праге вышел в свет знаменитый сборник, изданный большей частью авторами, активно боровшимися с большевиками на востоке России, – «Смена вех». Этот сборник дал название целому направлению русской эмиграции и идеологическому движению интеллигенции внутри России. Идеологический ответ на издание этого сборника был огромен. Сборник разрушил идеологическое неприятие большевизма всей русской эмиграцией и интеллигенцией в целом. После 1921 г. для значительной части русских беженцев обвинение в сменовеховстве означало предательство. Термин «сменовехо-

вещ» стал нарицательным у части русской диаспоры. Именно благодаря деятельности Н. В. Устрялова смог появиться этот сборник. С другой стороны, это течение показало многим русским людям и в России, и в эмиграции путь сближения с советской властью и Родиной. Идеи сменовеховцев четко показали русским патриотам возможность нахождения внутреннего компромисса и точки комфорта в отношениях с однозначно победившей в России большевистской властью.

Тема «Эволюции» с большой буквы большевистского режима, представленная сменовеховцами, нашла свое понимание в среде русской интеллигенции и даже вызвала такое заметное явление, как возвращенчество.

Большевики переиздали сборник в Советской России. Инициатором переиздания был один из лидеров большевизма – сам Л. Д. Троцкий, который увидел великолепную прагматическую составляющую в сменовеховском проекте, способную и привлечь своих специалистов на сторону власти, и вернуть специалистов из-за рубежа.

П. Н. Милюков увидел сам смысл сменовеховства в возможности признания эволюции большевизма и России в направлении нормального цивилизованного общества, базирующегося на традиционных западных ценностях, и осуществления вслед за экономическими уступками политических, относящихся к так называемой концепции «спуска на тормозах». Он вынужден был сделать вывод, что сменовеховцы остались чужими и для большевиков (так как большевики опасались их проповеди буржуазного перерождения Советской власти), и для русской эмиграции, не принимавшей большевизм ни в какой форме¹.

Эволюция воззрений Н. В. Устрялова требует специального изучения и рассмотрения, поскольку они не укладываются в общие представления о сменовеховстве и могут быть просле-

¹ Милюков П. Н. О современной России и задачах русской эмиграции // Последние Новости. Париж, 1923. 12 июля.

жены на значительном отрезке времени по сравнению с воззрениями соратников.

Безусловно, взгляды авторов «Смены веж» не были идентичны, однако было нечто общее, их объединявшее. Во-первых, они безоговорочно признали факт установления в России большевистского режима. Это была данность для русского общества начала 20-х гг. XX в. Во-вторых, по их мнению, русская революция в целом была мощным народным движением. В-третьих, сменовеховцы были убеждены, что белое движение потерпело закономерное поражение, так как пыталось остановить именно народное движение русских людей. В-четвертых, сменовеховцы увидели в большевистской власти российскую национальную силу, государственно-геополитическую реальность России, стремившуюся восстановить страну в довоенных границах, и более того, выполнявшую завет Петра Великого о расширении России в направлении так называемых «теплых морей». В-пятых, сменовеховцы именно в большевиках увидели силу порядка, способную подавить народную анархию и предотвратить российскую пугачевщину.

Очевидно, что сменовеховцы выражали мнение той части русского общества, которая увидела в народной анархии гибель России и, соответственно, была готова поддержать любую партию порядка, способную покончить с анархией, хотя бы и установлением диктатуры. Этой диктатурой оказалась большевистская диктатура, покончившая с последними проявлениями народной вольницы после разгрома Кронштадтского восстания и восстаний крестьян по всей стране в 1920–1922 гг.

В начале 20-х гг. XX в. Н. В. Устрялов надеялся, что развитие страны пойдет по сценарию концепции «спуска на тормозах», аналогично развитию Великой французской революции конца XVIII в. Интеллектуальная элита русского общества надеялась ограничить развитие русской революции только политическими преобразованиями, однако народ совершил великую социальную революцию, грандиозное перераспределение

собственности, а большевики-экстремисты возглавили этот процесс. Прежние собственники были уничтожены или оставили Россию. Народ захотел закрепить результат перераспределения собственности, и большевики уступили, отказались от коммунистического экспериментаторства и ввели НЭП. Тем самым они начали свой «спуск на тормозах». Следовательно, по мнению Н. В. Устрялова, Россию должны ждать схемы развития, схожие с этапами развития Франции, а именно консульство и империя. Как это в итоге и случилось: революционер И. В. Сталин стал диктатором, а позднее и фактически новым русским царем-императором.

Позднее, в 1930-х гг., Н. В. Устрялов вынужден был признать, что его социологическая схема не была реализована в полной мере и Россия отказалась от концепции «спуска на тормозах», хотя политическая модель развития страны оказалась реализованной с точностью до запятой.

В 1921 г. он рассматривал новую русскую диктатуру как наименьшее зло. Страна должна была выбирать между большевизмом и стихией народного бунта, разрушавшего вестернистские тенденции развития России: «При нынешних условиях это будет означать, что на место суровой и мрачной, как дух Петербурга, “Красной власти” придет безграничная анархия, новый пароксизм “русского бунта”, новая разинщина, только еще небывалых размеров»¹.

Получалось, что во имя вестернизации страны и подавления народной анархии русская интеллигенция должна была поддерживать новую власть, принесшую столько страданий именно интеллигенции.

Исследование теоретического наследия лидера большевиков привело Н. В. Устрялова к мнению, что большевики первоначально рассматривали Россию как базу для мировой революции. Именно победа революции в развитых странах давала

¹ Устрялов Н. В. Патриотика // Смена вех. Прага, 1921. С. 52.

большевикам шанс на построение коммунистического общества в России. В 1921 г. В. И. Ленин ясно осознал факт провала надежд на реальный успех мирового революционного процесса. Как ортодоксальный марксист, В. И. Ленин понимал, что без поддержки со стороны развитых пролетарских государств коммунизм в России построить было просто нереально. Уровень развития страны не позволял это сделать.

Сравнивая две великие революции – французскую и русскую, – Н. В. Устрялов обратил внимание на общие закономерности революционного процесса, а именно на «перепрыгивание» через исторические этапы, после чего неизбежно происходило возвращение к первоначальным стадиям исторического процесса. Во Франции после якобинского террора пришел «Термидор» и Директория. Одних лидеров революции сменили другие, значительно более умеренные.

В России лидеры большевиков не стали ждать «Термидора» и не пошли на русскую гильотину, а совершили «Термидор» сами, что вылилось в НЭП. Они уступили требованиям народных масс и сохранили власть в стране. Это не означало, что лидеры большевиков отказались от коммунизма, однако, опасаясь народных восстаний, они не могли решиться на новое коммунистическое экспериментаторство вплоть до победы мировой революции. В условиях 1920-х гг. это означало откладывание коммунизма на неопределенный срок, а Россия должна была развиваться как нормальное цивилизованное государство с рыночной моделью экономики. Русские патриоты должны были поддержать нэповский большевизм, создающий сильную Россию рыночными методами. Поражение большевиков могло привести лишь к крушению русской государственности от рук анархии и торжеству новой пугачевщины, как это было в 1917–1918 гг.¹

Н. В. Устрялов продолжил свои исследования в 1922 г. В Париже начал выходить журнал «Смена вех». Он обратился к ис-

¹ Устрялов Н. В. Патриотика. С. 56.

следованию темы эволюции большевистского режима. Формально большевизм не отказался от коммунистической идеологической утопии, однако вернуться к временам военного коммунизма большевики уже не могли, так как появились новые социальные группы, видевшие свое настоящее и будущее в нэповской модели общества¹.

«При таких условиях, – утверждал Н. В. Устрялов, – не подлежит сомнению, что эволюция большевизма будет на наших глазах все развиваться и углубляться. Мы вступили на путь “Термидора”, который у нас, в отличие от Франции, будет, по видимому, длиться годами и проходить под знаком революционной Советской власти»².

В 1925 г. в Харбине Н. В. Устрялов издал свою новую работу «Под знаком революции». Он видел своих единомышленников среди так называемых государственников, т. е. политиков, не принимавших идеи парламентаризма и демократизма в принципе. Именно большевизм в середине 1920-х гг. выражал государственную идею России, и именно поэтому большевизм являлся продолжателем дела великих русских государственников, таких как сам Петр Великий. Великая Россия может существовать только как имперское государство, и большевизм сделал все возможное для торжества новой имперской идеи. Соответственно, те группы русских эмигрантов, которые вынашивали идеи нового вторжения в Россию и свержения большевиков, по сути, стремились разрушить русскую государственность³.

Новый «манифест» сменовеховства не остался незамеченным русским зарубежьем. Либералы попытались найти свой ответ на очередной вызов своих бывших братьев.

23 августа 1925 г. сподвижник П. Н. Милюкова, левый либерал Б. Мирский опубликовал в парижских «Последних ново-

¹ Устрялов Н. В. Патриотика. С. 19.

² Там же.

³ Устрялов Н. В. Под знаком революции.

стях» статью– рецензию на работу Н. В. Устрялова под названием «Новый манифест сменовеховства».

Либералы справедливо увидели в идеях Н. В. Устрялова идеологический отказ от самой идеи демократии и возвращение к имперству. «Демократия, сама идея и форма народовластия – вот злейший идейный враг Устрялова, вот что привело его к большевикам; вот почему он утверждал, что в 1907 году “народным был Столыпин, а не Церетели”»¹.

Б. Мирский пророчески считал, что позиция Н. В. Устрялова являлась той идейной опорой, которая вела русскую интеллигенцию к принятию той или иной формы фашизма. Фашизм в том или ином обличье (включая «красный» оттенок) мог стать будущим русской революции, писали «Последние новости»².

По-видимому, теоретики «Последних новостей» четко видели всю серьезность опасности, которая исходила от сменовеховских идей, и осознавали, что идея имперской модернизации, которую якобы осуществляли большевики, могла привлечь к большевизму значительную часть зарубежной России, способной простить большевикам их экстремистское прошлое. Российская интеллигенция (во всяком случае, значительная ее часть) в 1920-х гг. действительно не хотела повторения потрясений, к которым ее призывали зарубежные русские либералы, и видела в большевиках силу, способную обеспечить стабильность, процветание и мощь страны.

Констатировав, однако, факт отказа сменовеховцев от демократических принципов, теоретики «Последних новостей» не сумели обнаружить действительно слабых сторон в аргументации Н. В. Устрялова.

Позднее, в 1930 г., сам Устрялов признал, что его прогнозы относительно перспектив российской модернизации, эво-

¹ Мирский Б. Новый манифест сменовеховства // Последние новости. Париж, 1925. 23 авг.

² Там же.

люции большевизма и эволюции страны во многом оказались неоправданными и развитие общества пошло совсем по другой схеме. В начале 1930-х гг. он провел совершенное научное исследование процессов развития большевистской России в 1920–1930-х гг., которые привели к тоталитарной модели сталинского «Большого рывка». Н. В. Устрялов указал, что в 1921 г. деревня, как он выражался, «голодом и Кронштадтом продиктовала власти НЭП»¹.

По его глубокому убеждению, НЭП развивал страну в направлении нормального капиталистического общества под защитой эффективной политической диктатуры большевиков. Эта тенденция особенно четко проявилась в 1923–1924 гг. Именно в то время особенно усилились процессы классового расслоения русской деревни, заметно укрепилась зажиточная ее часть.

В то же время большевики первоначально рассматривали НЭП как передышку. Они не отказались от своих фантастических идей переделки мира на коммунистических принципах, просто отложили на некоторое время их реализацию. Соответственно, та нэповская передышка, которую они ввели в ожидании нового мирового революционного натиска, не означала их отказа от руководства социально-экономическими процессами, которые явно развивались не по тому сценарию, который замыслили лидеры большевизма в начале 1920-х гг.

Н. В. Устрялов обратил внимание, что большевики экономическими мероприятиями, прежде всего через налоговую систему, пытались ограничить рост капиталистического сектора. В то же время они не могли решиться на более радикальные меры, так как любое вмешательство в экономику неизменно вызвало бы новые социально-экономические и политические потрясения. Кронштадтское восстание оставило неизгладимый след в сознании всех лидеров страны, и они стремились не допустить повторения подобных эксцессов.

¹ Устрялов Н. В. На новом этапе. Шанхай, 1930. С. 3.

Очевидно, что политика «передышки» себя исчерпала уже к 1923–1924 гг. Стабилизация западного мира стала фактом. Мировая революция откладывалась на неопределенное время. Противоречия НЭПа начали нарастать и требовали серьезного изменения всей экономической модели уже СССР: правящая элита была настроена антирыночно, а страна развивалась в рыночном направлении.

Крестьянский рынок быстро восстановился на практически довоенном уровне, что привело к низким издержкам производства и, соответственно, к достаточно низким ценам на сельхозпродукцию. В то же время полурыночная национальная промышленность не успевала за потребностями крестьянского рынка. Издержки производства в промышленности были неоправданно высокими, что, в свою очередь, в условиях рыночной экономики приводило к высоким ценам на промтовары.

По мнению Н. В. Устрялова, попытка большевиков просто поднять заготовительные цены на сельхозпродукцию неизбежно привели бы к дисбалансу экономической структуры страны и разрушили возможный фонд индустриальной модернизации промышленности. Одновременно попытка снизить заготовительные цены на сельхозпродукцию неизбежно привела бы к усилению крестьянского недовольства и уходу крестьян с рынка в направлении натурального хозяйства, сокращению запасов: «...мужик зажмет хлеб»¹.

Кроме того, наибольшее количество продовольствия на рынок поставлял именно социально чуждый большевикам богатейший крестьянин, так называемый кулак. Удар по зажиточным крестьянам только спровоцировал бы ухудшение социально-экономической ситуации в стране и привел к разбалансировке рынка. Такие меры были абсолютно бессмысленны в формах рыночной экономики, а строить страну на основе рынка означало окончательно похоронить все надежды на успех

¹ Устрялов Н. В. На новом этапе. С. 5.

дела социализма. Рыночное развитие страны противоречило идеологическим установкам правящей элиты. Но большевики смогли противопоставить угрозам рынка только отдельные политические акции против новых социальных групп нэповской России.

Очевидно, что остатки утопических антирыночных взглядов становились препятствием для дальнейшего развития страны. Однако вскоре социально-экономическая и политическая ситуация в стране заставила ее руководство отказаться от схоластических споров и приступить к решительным действиям. Причем все произошло стремительно и внезапно, поставив правящую элиту перед серьезным выбором.

Осенью 1927 г. старая система заготовок сельхозпродукции, базировавшаяся на рыночных нэповских принципах, показала свою недееспособность. Крестьяне стали прятать продовольствие. Рынок рухнул. Все экспортные планы оказались нереализованными. Возникла проблема со снабжением городов и армии. В стране говорили о грядущей войне с Великобританией, а продовольствие в условиях войны становилось самой ценной валютой.

Н. И. Бухарин как лидер той группы коммунистов, которые надеялись на укрепление союзных отношений с крестьянством и пытались строить социализм при помощи капиталистических методов, примерно так, как это было реализовано в Китае уже в конце XX в., надеялся сохранить прежнюю нэповскую политику.

Сталин и его группа партийной элиты отказалась от предложенного Бухариным неоНЭПа. Сталин, был уверен, что бухаринский неоНЭП лишал коммунистов исторической перспективы. В таком случае о социализме можно было навсегда забыть и превратиться просто в партию власти.

Поскольку классический НЭП к этому времени уже окончательно себя исчерпал, а использовать идеи Бухаринского неоНЭПа сталинцы не могли принципиально, сталинское руко-

водство страны ввело «антиНЭП, контрНЭП»¹. Сама ситуация подтолкнула И. В. Сталина к решительным действиям.

Однако, отдавал себе отчет Н. В. Устрялов, чрезвычайные меры могли иметь крайне ограниченное значение, и за ними могли последовать серьезные последствия в виде посевной крестьянской стачки, т. е. сокращения запасов, а далее и всеобщего крестьянского выступления, как это было в начале 1920-х гг.²

В 1929 г., утверждал Н. В. Устрялов, сталинское руководство коммунистической партии развернуло целую программу ускоренного коммунистического строительства. Самое главное для руководства страны заключалось в обеспечении бесперебойных поставок продовольствия из деревни в город. Они решили вместо чрезвычайных и малоэффективных методов политического давления найти возможность повышения товарной отдачи русского сельского хозяйства путем насильственного объединения крестьян в крупные хозяйства для успешности их эксплуатации и регулярности изъятия продовольствия. В итоге большевики сумели успешно развернуть кампанию коллективизации и террором загнать крестьян в колхозы. Тем самым, по их мнению, русская деревня начала развиваться по коммунистическому пути.

Одновременно сталинское руководство страны использовало возникшие огромные продовольственные ресурсы для стремительного индустриального рывка. Во имя будущего население призвали отказаться от настоящего. Жертвенность во имя страны, бесплатный и нещадный труд оценивались коммунистической партией как высший критерий политической благонадежности, позволяли делать политическую карьеру в рамках новой социальной реальности³.

¹ Устрялов Н. В. На новом этапе. С. 5.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 12.

В начале 1930-х гг., будучи современником развернувшихся в России неоднозначных событий, Н. В. Устрялов сделал очень интересные социологические оценки. Еще в 1930 г., рассматривая только самый начальный этап тех процессов, в которые вступила Россия, он утверждал, что страна вступила на путь своей подлинной вестернизации, которую осуществлял деспотический большевистский режим. По мнению Н. В. Устрялова, русская цивилизация отличалась деспотическим типом развития. В этом плане большевизм в истории российской цивилизации не стал исключением. Устрялов заявил, что большевикам удалось просто фантастический вестернистский проект. Они сумели сделать то, что стране не удавалось целых триста лет. Большевики стремительно догнали Европу. Старые оковы «азиатчины» были сброшены, и темпы, с которыми страна преодолевала свою историческую отсталость, были просто невероятны.

Н. В. Устрялов прямо назвал сталинскую революцию новой эрой в истории нашей страны. Подобную трансформацию Россия переживала только во времена великих Петровских преобразований. Более того, Устрялов был уверен, что сталинская вестернизация оказалась самым важным событием в истории России за последние триста лет, так как все остатки тысячелетнего русского застоя были искоренены очень основательно. Он отдавал себе отчет, что такая вестернизация – страшное испытание для народов СССР. Жертвы, которые принес народ, оказались огромными. Однако, напомнил Н. В. Устрялов, и те жертвы, которые принес русский народ во времена Петра Великого, тоже были очень велики. В то же время, по его мнению, великая цель оправдывала великие жертвы.

События начала 1930-х гг., по мнению Устрялова, были подлинной войной народа и власти. Естественно, большевики могли эту войну не только выиграть, но и проиграть. Тогда Россия, как в начале 1920-х г., снова оказалась бы перед историческим выбором: либо победа сил анархии и страна была бы отбро-

шена к начальной стадии своего исторического развития, либо новое «смутное время» и страна распалась бы на мельчайшие политические фрагменты. С другой стороны, большевики могли опять повторить маневр 1921 г. с его нэповской составляющей, только в форме неоНЭПа – реальной рыночной экономикой¹.

К 1934 г., рассматривая свершения сталинской деспотии в новом сборнике своих работ, вышедшем в Шанхае по названию «Наше время», Н. В. Устрялов окончательно признал факт победы коммунистов в стране. Он указывал, что в этом процессе трансформации России самым сложным аспектом явилась война коммунистов и крестьянства в форме той самой насильственной коллективизации. Коммунистам, по мнению Н. В. Устрялова, удалось справиться со всеми проблемами, и авантюристический план преобразования России оказался реализованным.

Н. В. Устрялов убеждал российских патриотов поддержать деспотический режим как режим, выражающий подлинно национальные интересы России, как режим, создававший новую великую Россию, подлинно европейскую державу.

Критерием успеха русской вестернизации Н. В. Устрялов назвал важнейшие признаки державности – силу новой советской армии, построенные коммунистами заводы, индустриализацию советского сельского хозяйства. Главным фактором была мощь возрожденной И. В. Сталиным на безрыночных принципах российской «империи».

Надо прямо заявить, что именно Н. В. Устрялов поставил перед исследователями вопрос о возможности проведения позитивных социально-экономических преобразований деспотическими режимами, которые явно действуют против своих народов. Он утверждал, что это возможно. Опыт второй половины XX в. и первых десятилетий нового тысячелетия ясно по-

¹ Устрялов Н. В. На новом этапе. С. 22.

казал, что достаточно тоталитарные режимы в Южной Корее и Сингапуре, на Тайване и в Китае смогли совершить настоящее чудо. Эти страны в кратчайший срок вырвались в постиндустриальное светлое будущее, обеспечив своим гражданам высочайший уровень жизни. Южная Корея, Тайвань и Сингапур успешно строят демократическое общество после страшных периодов откровенной диктатуры, сумевшей заставить целые поколения людей работать на будущее своих стран.

По видимому, именно ориентированность Н. В. Устрялова на европейский вариант общественного прогресса заставила его поддержать и сталинскую «варварскую» вестернизацию России.

Н. В. Устрялов доказывал, что Россия была фатально обречена на деспотическую, верхушечную имперскую модель европеизации.

Заключение

Русская интеллигенция начала XX в. прошла тяжелой дорогой испытаний. Романтики-идеалисты, мечтавшие о европейском, демократическом выборе России, в итоге вызвали страшного демона революции – пугачевщину. По образному выражению великого французского революционера конца XVIII в. Дантона, революция пожирает своих детей. Сам Дантон был казнен своими же соратниками. Русские романтики-интеллигенты в полной мере испытали эту формулу на себе. Они прошли через смерть, пытки, гибель близких, убитых или замученных озверевшими русскими дикарями – бывшими солдатами, матросами или просто крестьянами, превратившимися в 1917–1920 гг. в настоящих бандитов. Они на себе испытали весь ужас гражданской войны и красного террора. Во время гражданских войн нормы и правила войны не соблюдаются ни одной из сторон конфликта.

Нынешнее руководство России четко осознало ту простую истину, что любая форма революционного движения идеалистов в итоге приводит к разрушению страны, а сами идеалисты всегда оказываются раздавленными теми силами, которые они вызвали к жизни. Революционная стихия управлению не поддается. Это доказали и исторические события 1917–1922 гг. в России, и не менее страшное подтверждение это нашло в событиях 2014–2015 гг. на Украине, где вновь погибали невинные люди, а тысячи стали изгоями и беженцами в Европе в начале XXI в.

Однако эту страшную формулу Дантона во второй половине 1930-х гг. испытали на себе и победители в гражданской войне, уничтоженные в горниле сталинского террора.

Те немногие русские интеллигенты, которые смогли вырваться из объятий войной России, оказались вечными беженцами, навсегда потерявшими свою Родину.

В 20–40-х гг. XX в. сформировалось уникальное явление, получившее обобщенное название русского зарубежья. Изгнанные с родной земли русские политики и ученые превратились в эмиграции прежде всего в исследователей. В этом плане в эмиграции сложилась крупнейшая научная школа исследования России. Наиболее значимыми исследователями оказались лидеры трех течений русской диаспоры: лидер леволиберального направления русского зарубежья – политик и мыслитель П. Н. Милюков, чей авторитет признавали все течения русского зарубежья; основатель и лидер русской социально-революционной мысли в изгнании В. М. Чернов, ставший крупнейшим исследователем-обществоведом, чьи выводы и оценки могут быть сопоставимы по широте с положениями основателей крупнейших философских и обществоведческих школ планеты.

В череде русских мыслителей зарубежной России выделяется левый социал-демократ Ф. И. Дан, сумевший с удивительной научной проницательностью увидеть будущее нашей страны через десятилетия. Его прогноз не был элементом научной фантастики, а основывался на строгом научном предвидении будущего. Логика его размышлений буквально предсказала основные моменты эволюции нынешней путинской постсоветской России. И если развитие страны пошло по направлению, предсказанному Ф. И. Даном, значит, нынешний российский сценарий – не случайный каприз истории.

Н.С. Тимашев, представлявший правое крыло русских эмигрантов-либералов, ясно высказался о перспективах России как государства, в котором защита интересов нового бизнеса будет строиться на основе мощной русской государственности, что мы видим в нынешней российской действительности. Получается, что мыслители зарубежной России 20–30-х гг. XX в., стоявшие на принципиально различных идеологических платформах, пришли к практически одинаковым выводам о сути развития постсоветской России.

Особняком в этой плеяде мыслителей стоит фигура Н. В. Устрялова, поставившего перед учеными планеты вопрос о способности деспотических режимов проводить позитивные преобразования и о способности народа жертвовать настоящим во имя будущего.

П. Н. Милюков подошел к исследованию Советской России как профессиональный историк. Он исходил из того мнения, что большевизм строил свою концептуальную модель на представлениях о мировом революционном процессе, куда с трудом вписывалась российская действительность. И если все основные государства планеты возникали на основе национального компонента, то Советская Россия оказалась своеобразным научным экспериментом, поставленным над целой страной. Именно поэтому П. Н. Милюков предлагал называть происходящее в СССР научным, или, как он говорил, большевистским экспериментом. С его подачи этот термин стал общеупотребим в научной среде. П. Н. Милюков проанализировал весь большевистский эксперимент с начала 1920-х до конца 1930-х гг. и пришел к выводу, что в СССР возникло индустриальное общество, не имевшее иных аналогов в истории и, по сути, являвшееся тупиковой ветвью общественного прогресса. Он обозначил переход от романтико-идеалистических представлений о советском интернационалистическом государственном образовании к реалиям национально-политической жизни и геополитическим устремлениям России независимо от идеологических установок ее властителей. Павел Николаевич исследовал всю эволюцию социально-экономической политики новой большевистской России и показал, как произошел вполне логичный отказ от командной модели в пользу рынка эпохи НЭПа, а затем возвращение на новой основе к безрыночной модели сталинского мобилизационного общества в конце 1920-х и в 1930-х гг.

В. М. Чернов изучил социальный феномен, который сложился в Европе в 1930-х гг., и сумел увидеть за деревьями лес. В СССР, Германии и Италии, по сути дела, сложилась новая фор-

мация, которую он обозначил как этатическую. Чернов увидел, как в столкновении объединенной Гитлером индустриальной Европы и Советской России победа склонилась на сторону СССР – наследника великой России, и произошедший в политике прагматика Сталина поворот к национальным потребностям России предопределил ее победу в великом этническом противостоянии 1940-х гг.

Ф. И. Дан – лидер российской социал-демократии в эмиграции – сумел предсказать будущее постбольшевистской России и неизбежность возникновения России госкапиталистической, России путинской, социально ориентированного государства, наследницы великого Советского Союза. Заглянуть так далеко, за исторический горизонт, просчитать логически неизбежность госкапиталистической модели постсоветской России мог только великий исследователь.

Н. В. Устрялов рассмотрел сталинский вариант вестернизации России и признал значимость произошедших перемен, увидев в этих событиях, по сути дела, резкий прыжок России от трехсотлетней отсталости, не преодоленной за все годы императорской России, к европейскому прогрессу. Он прямо заявил, что прогресса не бывает без высокой социальной цены, которую платит общество, и та цена, которую заплатило русское общество, вполне оправданна.

Мыслители русского зарубежья оставили колоссальный след в теоретическом наследии русской общественной мысли, а их выводы и оценки заслуживают дальнейшего глубокого исследования.

Литература

1. *Александров С. А.* Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции. М., 1996.
2. *Александров С. А.* Особенности формирования республиканско-демократического союза // Русская эмиграция во Франции (вторая половина XIX – середина XX века): тезисы республ. науч. конф. СПб., 1995.
3. *Алексеева Е. В.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев, 1920–1941 годы // Отечественная история. 2000. № 1.
4. *Анисин Ю. В.* Национальные проблемы России в программах и тактике партий революционно-демократического лагеря. М., 1991.
5. *Антропов О. О.* Астраханские казаки в эмиграции // Вопросы истории. 1997. № 11.
6. *Ахиезер А.* Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. 1994. № 1.
7. *Ахиезер А.* Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993. № 7.
8. *Балуев Б. П.* Споры о судьбе России в эмигрантской публицистике 20-х гг. // История и историки. Историографический вестник. М., 2003.
9. *Барихновский Г. В.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921–1924 годы. Л., 1978.
10. *Белов В.* Белая печать. Ее идеология, роль, значение и деятельность. Пг., 1922.
11. *Белов В.* Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М.; Пг., 1923.
12. *Белова Е. И.* Милюковцы и сменовеховцы // Русская эмиграция во Франции (вторая половина XIX – середина XX века): тезисы республ. науч. конф. СПб., 1995.
13. *Бойко Ю. В.* «Новый град» и идеи преобразования России // Культура российского зарубежья. М., 1995.
14. *Большаков В. В.* Русские березы под Парижем. М., 1990.
15. *Бочарова З. С.* Современная историография российского зарубежья 1920–1930-х годов // Отечественная история. 1999. № 1.
16. *Бочарова З. С.* Судьбы российской эмиграции. 1917–1930 годы. Уфа, 1998.
17. *Брейяр С.* Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917 гг.) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1.

18. Бруцкус Б. Народное хозяйство Советской России. Его природа и судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 10.
19. Бубнов А. Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. Пг., 1923.
20. Булдаков В. П. Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. № 1.
21. Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.
22. Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизиветер: История и политика. М., 1992.
23. Верба И. А., Гусарова Л. О. С думой о Родине на чужбине. Эволюция российских политических партий в эмиграции (1920–1940 годы) // Кентавр. 1995. № 3.
24. Генкина Э. Б. В. И. Ленин и переход к новой экономической политике // Вопросы истории. 1964. № 5.
25. Голланд Ю. М. НЭП и современность: сравнительный анализ опыта экономических преобразований. (Куда идет Россия? 10 лет реформ. Заседание круглого стола) // Отечественная история. 1995. № 4.
26. Голубев А. В. Россия, век XX... // Отечественная история. 1997. № 5.
27. Дмитренко В. П. Последние десять лет в контексте истории России (Куда идет Россия? 10 лет реформ. Заседание «круглого стола») // Отечественная история. 1995. № 4. С. 199.
28. Дмитриева Н. К., Моисеева А. П. Философ свободного духа. Николай Бердяев. Жизнь и творчество. М., 1993.
29. Домнин И. В. Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20–30-е годы) // Вопросы истории. 1995. № 3.
30. Доронченков А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.
31. Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. М., 1993. Ч. 1.
32. Думова Н. Г. Предисловие к настоящему изданию // Воспоминания / П. Н. Милюков. М., 1991.
33. Дьяков В. А. О научном содержании и политических интерпретациях историософии евразийства // Славяноведение. 1993. № 5.
34. Ершов В. Ф. Белоэмигрантские концепции восстановления российской государственности // Кентавр. 1995. № 4.
35. Зимина В. Д. Казачья эмиграция 20–30-х гг. XX столетия о путях развития России // Возрождение казачества (история, современность, перспективы): сб. науч. ст. Ростов н/Д, 1995.

36. *Зими́на В. Д.* Эмигрантская казачья пресса 20–30-х гг. как исторический источник // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения. Тверь. 1992.
37. *Зотова З. М.* Петр Бернгардович Струве // Вопросы истории. 1993. № 8.
38. *Игрицкий Ю. И.* Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1998. № 1.
39. Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: энциклопедический справочник. СПб., 2005.
40. Из истории российской эмиграции: сб. науч. ст. СПб., 1992.
41. *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
42. *Ипполитов С. С., Карпенко С. В., Пивовар Е. И.* Российская эмиграция в Константинополе 1920-х годов // Отечественная история. 1993. № 6.
43. *Исаев И. А.* Евразийство: миф или традиция? // Коммунист. 1991. № 12.
44. История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX – XX в.). М., 2004.
45. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX веках: сб. ст. М., 1997.
46. *Канищева Н. И.* Эволюция идеологии и программы кадетской партии в период гражданской войны и эмиграции // Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М., 1998.
47. *Кара-Мурза А.* Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре // Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб., 1999.
48. *Карр Э. Х.* История Советской России. М., 1990. Кн. 1, т. 1–2.
49. *Квакин А. В.* Российская интеллигенция и «первая волна» эмиграции: учеб.-метод. пособие для преподавателей истории. Тверь, 1994.
50. *Кириенко Ю. К.* Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 годы) // Вопросы истории. 1996. № 10.
51. *Князевская Т. Б.* Русская интеллигенция: истории и судьбы. М., 1999.
52. *Ковалевский Т. Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971.
53. *Коновалова О. В. В. М.* Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2002. № 2.

54. Коновалова О. В. «Смешанная экономика»: вариант Виктора Чернова // Свободная мысль – XXI. 2002. № 3.
55. Кононенко А. А. Современная российская историография партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2004. № 4.
56. Кононенко А. А. Современная зарубежная историография партии социалистов-революционеров // Вопросы истории. 2005. № 2.
57. Корицкий Э. Б. Основные течения российской экономической мысли 20–30-х годов XX века. СПб., 1993.
58. Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание...: Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1991.
59. Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
60. Кривошеева Е. Г. Пореволюционное эмигрантское течение – евразийство (1917–1932 годы). М., 1996.
61. Кувшинов В. А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943 годы). М., 1997.
62. Кудрякова Е. Б. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. М., 1995.
63. Культура российского зарубежья: сб. ст. М., 1995.
64. Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940. М., 1994. Кн. 1, 2.
65. Лидак О. А. П. Н. Милюков как историк. М., 1930.
66. Люкс Л. К вопросу об истории идейного наследия «первой» русской эмиграции // Вопросы философии. 1992. № 9.
67. Малинова О. В. К вопросу о либеральной интерпретации концепций наций и национальных интересов // Философия. Человек. Общество. М., 1998. С. 64–72.
68. Малыхин К. Г. Большевицкая модернизация России и русское зарубежье 20–30-х годов. Оценки и модели. Ростов н/Д, 2000.
69. Малыхин К. Г. П. Н. Милюков: Оценки и модели 20–30-х гг. // Памяти Владимира Григорьевича Мирзоева: сб. ст. кафедры отечественной истории РГПУ. Ростов н/Д, 2006. Вып. 2.
70. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997.
71. Меметов В. С. Интеллигенция, эмиграция, отечество: проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20–30-х годов XX века. Иваново, 1997.
72. Менегальдо Е. Русские в Париже, 1919–1939. М., 2001.
73. Мещеряков Н. М. На переломе (Из настроений белогвардейской эмиграции). М., 1922.

74. *Могильницкий Б. Г. Н. А.* Бердяев о Русской революции // Новая и новейшая история. 1995. № 6.
75. *Мосейкина М. Н.* Из истории адаптации русской эмиграции в Аргентине в 1920–1930-е годы // Россия и мировая цивилизация: материалы междунар. науч.-теор. конф. М., 1996.
76. *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1.
77. *Назаров М. В.* Три ветви русского зарубежного православия // Вопросы истории. 1997. № 6.
78. *Никулин В. В.* Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период НЭПа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). СПб., 1997.
79. *Нильсен Е. Л.* Миллюков и Сталин: О политической эволюции П. Н. Миллюкова в эмиграции. Осло, 1991.
80. *Новикова Л., Сиземская И.* Два лика евразийства // Свободная мысль. 1992. № 7.
81. *Новикова Л., Сиземская И.* Политическая программа евразийцев: реальность или утопия? // Общественные науки и современность. 1992. № 1.
82. *Окорочков А. В.* Молодежные организации русской эмиграции. М., 2000.
83. *Омельченко Н. А.* «Веховская» традиция в духовной жизни русской эмиграции // Вопросы истории. 1995. № 1.
84. *Омельченко Н. А.* В поисках «новой» России (К вопросу о политической программе евразийства) // Культура российского зарубежья. М., 1995.
85. *Омельченко Н. А.* В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 года, большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). СПб., 1996.
86. *Омельченко Н. А.* Политическая мысль русского зарубежья. Очерки истории (1920 – начало 1930-х годов). М., 1997.
87. *Омельченко Н. А.* Русский опыт: Революция 1917 года в России и политическая практика большевизма в общественно-политической мысли российского зарубежья (1917 – начало 1930-х годов). М., 1995.
88. *Омельченко Н. А.* Споры о евразийстве (Опыт исторической реконструкции) // Полис. 1992. № 3.
89. *Онегина С. В.* Пореволюционные политические движения российской эмиграции в 20–30-е годы. (К истории идеологии) // Отечественная история. 1998. № 4.

90. Открытый архив: справочник опубликованных документов по истории России XX в. / сост. И. А. Кондакова. М., 1997.
91. Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11.
92. Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997.
93. Пантин И. К. Историческая драма русского либерализма // Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М., 1998.
94. Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991.
95. Писарев Ю. А. Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. № 1.
96. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996.
97. Поляков Л. Большевизм и русская идентичность. (Коммунизм как фаза российской модернизации) // Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб., 1999.
98. Поляков Ю. А. Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996.
99. Попов А. В. Русское зарубежье и архивы: документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998.
100. Поремский В. Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции: избр. ст. 1934–1997. М., 1998.
101. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
102. Пронин А. А. Историографические аспекты феномена российской эмиграции // Клио. 1997. № 1.
103. Публицистика русского зарубежья (1920–1945): сб. ст. М., 1999.
104. Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1.
105. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
106. Ратушняк О. В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 годы). Краснодар, 1997.
107. Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: тез. докл. науч. конф. М., 1993.
108. Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание и исчезновение // Отечественная история. 2001. № 1.

-
109. Российская эмиграция в Чехословакии (1918–1945): сб. науч. ст. СПб., 1996.
 110. Российское зарубежье: Итоги и перспективы изучения: тез. науч. конф. М., 1997.
 111. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: в 4 т. М., 2003. Т. 1.
 112. *Рудницкий А. Ю.* Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М., 1991.
 113. Русская военная эмиграция 20–40-х гг. М., 1998.
 114. Русская эмиграция во Франции. (Вторая половина XIX – середина XX века): тез. республ. науч. конф. СПб., 1995.
 115. Русская эмиграция в Югославии; Русская эмиграция в Европе, 20–30-е годы XX века. М., 1996.
 116. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000.
 117. Русские в Германии (1914–1933): сб. науч. ст. СПб., 1995.
 118. Русский Берлин. М., 2003.
 119. Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М., 1998.
 120. Русское зарубежье в Латинской Америке. М., 1993.
 121. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
 122. *Ручкин А. Б.* Российское зарубежье 1920-х годов. Проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере Экономического кабинета С. Н. Прокоповича. М., 1999.
 123. *Савицкий И.* Становление Парижа как столицы русской эмиграции // Славяноведение. 2003. № 4.
 124. *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России. М., 1995.
 125. *Селунская В. М.* Проблема интеграции эмигрантов в российское зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1998. № 1.
 126. *Серационова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике, 20–30-е годы. М., 1995.
 127. *Сибинович М.* Научные чтения, посвященные русской эмиграции в Югославии // Славяноведение. 1994. № 4.

128. *Сиземская И. Н.* «Новый либерализм». Учение о правах человека и государственной власти // Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М., 1998.
129. *Смагина С. М.* Российские политические партии в эмиграции: блоки и идеологии (20-е гг. XX века). Ростов н/Д, 2007.
130. *Смагина С. М.* Российские политические партии в эмиграции. Эволюция доктрин // Вестник Ставропольского государственного университета. 1998. № 13.
131. *Соболев А. Б.* Полюса евразийства // Новый мир. 1991. № 1.
132. *Соколов А. К.* Методологические и источниковедческие проблемы истории последнего десятилетия // Отечественная история. 1995. № 4.
133. *Сонищева Н. Е.* На чужом берегу (К истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). М., 1991.
134. Социально-экономическая адаптация российских мигрантов в XIX–XX веках: сб. ст. М., 1998.
135. *Старостин Е. В.* История России в зарубежных архивах. М., 1994.
136. *Стефан Д.* Русский фашизм: фарс и трагедия в эмиграции, 1922–1945. М., 1992.
137. *Тарле Г. Я.* История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1993.
138. *Тарле Г. Я.* Об особенностях изучения истории адаптации российских мигрантов в XIX–XX веках // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996.
139. *Телицын В. Л.* Русские эмигранты-экономисты в Праге // История российского зарубежья. Проблемы адаптации российских мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996.
140. Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 20–30-х гг. / С. С. Ипполитов [и др.]. М., 1999.
141. *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002.
142. *Урилов И. Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма) // Вопросы истории. 2002. № 11.
143. *Урилов И. Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма): в 7 ч. М., 2000–2017. Ч. 1, 2.
144. *Урилов И. Х.* Ю. О. Мартов. Политик и историк. М., 1997.
145. *Федоренко А. А.* Политическая концепция В. М. Чернова. М., 1999.

-
146. *Федюкин С. А.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. М., 1977.
147. *Хвалин И. В.* Идеиные основы и общественно-политическая деятельность меньшевистской эмиграции в 1920–1930-е гг. М., 2004.
148. Экономисты русской эмиграции / Э. Б. Корицкий [и др.]. СПб., 2000.

Научное издание

МАЛЫХИН Константин Германович

**П. Н. МИЛЮКОВ, Н. С. ТИМАШЕВ,
В. М. ЧЕРНОВ, Ф. И. ДАН, Н. В. УСТРЯЛОВ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Редактор *Н. В. Бирюкова*
Корректор *Н. В. Бирюкова*
Компьютерная верстка *Е. А. Солоненко*

Подписано в печать 08.06.2021 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16. Тираж 50 экз.
Усл. печ. лист. 5,35. Уч. изд. л. 5,0. Заказ № 8049.

Издательство Южного федерального университета.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

